

клуб путешественников

МИХАИЛ ЛЮБИМОВ

**ГУЛЯНИЯ
С ЧЕШИРСКИМ
КОТОМ**

амфора

Михаил Петрович Любимов
Гуляния с Чеширским котом
Серия «Клуб путешественников (Амфора)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11827214

Михаил Любимов. Гуляния с Чеширским котом. Мемуар-эссе об английской душе: Амфора; Санкт-Петербург; 2015

ISBN 978-5-367-03677-0, 978-5-367-03690-9

Аннотация

Бывший разведчик Михаил Любимов остроумно и тщательно исследует глубины национального характера жителей той страны, где ему пришлось поработать Джеймсом Бондом в далекие уже от нас годы холодной войны. Туманный Альбион глазами рыцаря плаща и кинжала, который не прочь посмеяться и над собой.

Содержание

Посвящение Саше	5
Интродукция	6
Загадки англосаксонской души	25
Ад или рай?	25
Лошадиная Морда или Красная Харя?	30
Природа на нем отдыхает?	31
Ах, туманы мои, растуманы	32
Как, как, как?!	33
Можно ли вылепить англичанина из русского?	35
Лети, лети, моя история...	38
Собственность – это кража!	41
«День твой последний приходит, буржуй!»	42
Только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог...	44
Ох уж этот опиум для народа!	46
Проклятые иммигранты!	49
«Правь, Британия...»	52
Все они собаки!	55
Русс с англичанином братья навек!	58
Лондон хорошо, а Мытищи лучше!	61
О дивный новый мир!	67
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Михаил Любимов
Гуляния с Чеширским котом.
Мемуар-эссе об английской душе

© ООО «Торгово-издательский дом «Амфора», 2015

Посвящение Саше

Только на первый, поверхностный взгляд, дорогой мой сын, гуляние с котом кажется простым занятием. Во-первых, постоянно нужно проявлять бдительность, чтобы не наступить коту на лапку или, не дай бог, на хвост. И совсем беда, если рядом вдруг оказывается собака: ошалевший от ужаса кот мчится прочь со скоростью света и легко забирается на самое высокое дерево. (Сколько раз мне приходилось вызывать пожарную машину, чтобы его оттуда снять!). Во-вторых, коты чрезвычайно наблюдательны, преисполнены чувства собственного достоинства и благородства и, главное, умны и совершенно не переносят глупости, которые, словно хлопья снега, постоянно сыплются из человеческих уст. Таким образом, приходится следить не только за своими ногами и чужими псами, но и за языком и даже за собственными мыслями, которые, между прочим, коты читают на расстоянии.

Волею судьбы ты рожден в Майл-Энде, когда-то самом нищем квартале трущобного Ист-Энда, где черпали свое вдохновение классики марксизма, волею той же судьбы тебе довелось участвовать в низвержении системы, построенной на этом учении и доведенной дураками до абсурда. Разве я думал о таких драматических переменах в нашей стране, читая тебе в детстве «Алису» и демонстрируя улыбающегося Чеширского кота в исполнении художника Джона Тэнниела?

Что делать! Утешает, что и Англия тоже серьезно изменилась, Время мощно и беспощадно прошло по Британской империи, совсем другими стали леди и джентльмены, и даже твой Ист-Энд с нищими лачугами постепенно превращается в модный, процветающий район. Кто знает? – глядишь, через несколько десятков лет туда переселятся парламент и даже сами Ее или Его Величества, которым станет нелегко функционировать в Букингемском дворце, почти в самом центре загазованного Уэст-Энда.

Гуляя с Чеширским котом, я размышлял (стараясь не выглядеть слишком безмозглым) о разных превратностях быстротечной жизни, нашей и английской, предавался сладким воспоминаниям молодости и жутко боялся выглядеть как лорд Честерфилд, замучивший своего сына занудными назиданиями.

Так прими же этот опус как дань твоему первому крику, твоим первым шагам по земле, а заодно и нашим с мамой счастливым дням в свободном и суровом Альбионе.

– Там кто-то идет! – сказала она наконец. – Только очень медленно. И как-то странно!

(Гонец прыгал то на одной ножке, то на другой, а то извивался ужом, раскинув руки как крылья.)

– А-а! – сказал Король. – Это Англосаксонский Гонец со своими англосаксонскими позами. Он всегда такой, когда думает о чем-то веселом.

Льюис Кэрролл

Интродукция

*Но взял он меч, и взял он щит,
Высоких полон дум.
В глущобу путь его лежит,
Под дерево Тумтум.*

Льюис Кэрролл

Пушкин писал: «Если хочешь услышать глупость о России, спроси у иностранца».

Ну, а если хочешь услышать глупость об Англии?

Возникает комплекс неполноценности, дрожит рука, и тянет на эпитафию самому себе.

Утешает, что об Англии написаны такие эвересты и монбланы, что сквозь эти завалы мудрости и глупости невозможно продрасться, взаимоисключающих мнений невпроворот, и каждый норовит сделать великое открытие на ниве английского национального характера.

Что же это за фрукт – англичане?

Французский писатель Пьер Данинос в 1954 году трепанировал английский череп и застыл от восхищения:

«Первое, что бросилось ему в глаза, был линкор флота Ее Королевского Величества, затем он обнаружил плащ, королевскую корону, чашку крепкого чая, доминион, полисмена, устав королевского гольф-клуба святого Андрея, британское хладнокровие, бутылку виски, Библию, расписание пароходов Кале – Средиземное море, сиделку из Вестминстерской больницы, крокетный шар, туман, клочок земли, над которой никогда не заходит солнце, и в самых сокровенных глубинах мозга, поросших столетним газоном, – плетку-семихвостку и школьницу в черных чулках».

М-да...

С детства меня посещали разные англичане: «мистер Твистер, бывший министр, мистер Твистер-миллионер», а позднее вызывающая рыдания крошка Доррит, во время эвакуации я боялся выходить в коридор, заваленный саксаулом, из которого могла вылезти собака Баскервилей с огненно-зелеными глазами, от подпитых гостей я часто слышал тягучую «Дубинушку» (в те времена еще любили петь за столом, а не безмолвно орудовать ножом и вилкой), там «англичанин-мудрец, чтоб работе помочь» изобретал машину, а русский мужик пел себе да пел родную «Дубину»...

В школе запомнилось пушкинское «как денди лондонский одет», у Лескова придурковатый Левша утер нос умнику-англичанину, подковав блоху, и я светился от национальной гордости.¹

Кто-то подарил мне «Маленького лорда Фаунтлероя» еще в дореволюционном издании, и, хотя его образ жизни с персональным конем и слугами противоречил кодексу морали пионера, я проникся уважением к маленькому лорду, иногда надевал шляпу и любовался своим джентльменским видом в зеркале.

Англичане делились на хороших и плохих – с одной стороны, с другой стороны, первых было не так уж много: ограбленные крестьяне, восстававшие под предводительством Уота Тайлера, несчастные бедняки у Чарльза Диккенса,² луддиты, ломавшие станки (они не успели

¹ Тогда мне, дураку, не приходило в голову, что мужику бы не «Дубинушку» затыгивать, а вкалывать и тоже изобретать машину, а Левше не изголяться на блохах, а направить свой талант на что-нибудь путное.

² Моя любовь к Диккенсу меркнет на фоне переживаний поэта Сергея Соловьева, внука историка и племянника философа, создавшего «Элизиум теней». Вот лорд Стирфорс: «Благородный и преступный, избалован, властен, горд, ты со

прочитать Маркса и понять, что выход – в диктатуре пролетариата), лорд Байрон, сочувствовавший греческим повстанцам (позже я узнал, что он любил турок и особенно турчанок), честный утопист Роберт Оуэн, прогрессивный Чарлз Дарвин, возмущивший церковь своим обезьяньим открытием, и, конечно, все, кто поддерживал молодую Советскую республику, особенно английские коммунисты во главе с генеральным секретарем Гарри Поллитом. Все хвалили англичан за приют, который они дали Марксу и Энгельсу, бывшему в «Колокол» Герцену и, конечно, Ленину с Крупской, это считалось чуть ли не главным английским вкладом в историю.

Плохие англичане резко перевешивали хороших: они выбивали сверхприбыли в Англии и колониях, они расстреляли Бакинских комиссаров, они направляли и вдохновляли интервенцию, они увязли в заговорах против советской власти, Уинстон Черчилль хотел задушить Октябрьскую революцию в колыбели, а Керзон направлял паскудные ноты, пока английские пролетарии не закричали в один голос: «Руки прочь от Советской России!»

Во время войны англичан поругивали за затяжку второго фронта, а после речи Черчилля в Фултоне, формально ознаменовавшей начало холодной войны, они превратились в исчадие ада.

Несмотря на все, англичане мне нравились, особенно после того, как один папин коллега – полковник Смерша, задумчиво глядя на мой юный лик, промолвил: «У него узкое лицо, как у лорда». Тогда я впервые заметил некоторую удлиненность своей физиономии и подолгу рассматривал себя в зеркало, представляя себя английским лордом.

Еще нравилась мне песенка о Джоне Грее («Денег у Джона хватит, Джон Грей за все заплатит...») и очень хотелось вместе с ним в таверну, где ждала «крошка Мэри». А Вертинский, певший о том, как хорошо с приятелем вдвоем пить простой шотландский виски?

Во время войны мама нашла мне учительницу и я начал учить немецкий, мечтая проникнуть в германский штаб и взорвать Гитлера, но затем актуальность немецкого исчезла, зато худой, как скелет, дядя Сэм в цилиндре и свиноподобный Джон Буль в котелке строили такие козни, что родине требовались защитники со знанием английского.

Английский язык полюбился мне сразу: он давался мне гораздо легче, чем немецкий; возможно, в подсознании засела крылатая фраза отцовского коллеги о счастливой удлиненности физиономии.

В восьмом классе я начал задумываться о своем будущем: точные науки меня не прельщали, зато я писал нестандартные сочинения по литературе, вставляя свои и чужие стихи, учительница читала их вслух всему классу и видела во мне нового пролетарского писателя вроде Максима Горького.

Но писательство казалось мне занятием унижительным и не достойным высокого ума, хотелось не кропать нечто на бумаге, а участвовать в процессах мирового масштаба.

В Самаре, тогда Куйбышеве, у нас в классе учился мальчик, папа которого служил в нашем посольстве (естественно, никто точно не знал, где и кем, но все считали, что в Англии). В то время сам факт пребывания за границей придавал личности неповторимое величие, словно невидимый знак светился на лбу, и однажды, когда высокопоставленный папа прибыл в отпуск и осчастливил своим визитом родительское собрание, мы специально бегали на него посмотреть: темные гладкие волосы, зачесанные наверх, роговые очки, хороший костюм. «Дипломат», – пояснили нам взрослые.

Дипломат из Англии! Этот магнетически загадочный папа стал путеводной звездой для куйбышевского школьника, он озарил ближайшую цель – Московский государственный институт международных отношений, где ковали дипломатов. Тогда я считал, что все дипло-

мною неотступно, ледяной блестящий лорд». Или: «И никто шагам его не вторит: свод тюрьмы безжалостен и нем. Крошка Доррит! Где ты, крошка Доррит? Ведь в Маршалси твой Артур Клейнем».

маты похожи на академиков, из которых фонтаном бьет эрудиция, я не знал, что дипломату совсем необязательно много читать и быть образованным – гораздо важнее держать нос по ветру и ловить каждое слово начальства, более того, «слишком умные» обычно плохо кончают. К несчастью, я прочитал «Талейрана» академика Тарле и решил, что они оба являются живым воплощением дипломата.

Следовало срочно заполнить зияющие пустоты в образовании. Самоусовершенствованием я занялся основательно: все прочитанное аккуратно конспектировал в толстые тетрадки, особенно остроты, которыми собирался блистать на дипломатических балах, между мазуркой и коктейлем.

Сначала я детально проработал трехтомную «Историю дипломатии», затем «Дипломатию» английского дипломата Гарольда Никольсона, затем для солидности начал штудировать Шекспира, все пьесы – от первой до последней. Чтобы не забыть ху из ху в остроумных беседах с иностранными лидерами, давал характеристики всем действующим лицам («Гамлет, принц датский, мучается сомнениями, убивать или не убивать дядю-короля, влившего яд в ухо своему брату»). Выписывал идиомы Шекспира, вроде «делать зверя с двумя спинами» (это означало акт любви) или «направлять большой палец» (оскорблять, «делать фигу»).

Прошелся по всему Байрону, но очень устал от «Каина» и «Манфреда», впился в Дикенса и долго грыз, пока не надоели его жулики и сентиментальное сострадание писателя к обездоленным.

У Осипа Мандельштама:

Когда, пронзительнее свиста,
Я слышу английский язык, —
Я вижу Оливера Твиста
Над кипюю конторских книг.

.....

Дожди и слезы. Белокурый
И нежный мальчик Домби-сын;
Веселых клерков каламбуры
Не понимает он один.

Финал разрывал сердце: «И клетчатые панталоны, рыдая, обнимает дочь!»

Свиста в английском языке я, правда, не обнаружил, но постепенно сформировал образ англичанина: цилиндр или котелок, трость с набалдашником, неизменный зонтик, с которым удобно бродить по Пиккадилли, постукивая наконечником по асфальту, костюм в полоску, клубный галстук, выбритость до синевы, изящная худоба (даже кости потрескивают при ходьбе!), спортивная подтянутость, прямая бриаровая трубка, зажатая в волевых челюстях, кожаное честерфилдское кресло у старинного камина со сверчком, где рядом целый набор таинственных медных инструментов, включая каминные щипцы, поддувало и кочергу для размешивания угольев...

Таких англичан блистательно играли в советском театре, несколько раз я смотрел «Школу злословия» Шеридана, где Яншин и Андровская очень мило изображали патриархальную английскую жизнь, и, конечно, «Идеального мужа» Оскара Уайльда, разоблачавшего высший свет. Массальский и Кторов поражали своими безупречными манерами, легкой речью, небрежной походкой; однажды я засек их на Твербуле, пошел за ними и отметил, что они выпили по рюмке в какой-то захудалой закускойной (и не закусили, как истинные лорды!).

Моей настольной книгой стал роман Джеймса Олдриджа «Дипломат». Полюбился не главный герой, который, как положено, разочаровался в эксплуататорской Англии и уверовал в социализм, мне импонировал его антипод – консерватор и реакционер до мозга костей лорд Эссекс, гнуснейший из гнуснейших, – вот ужас-то!

Несмотря на эту душевную червоточину, меня приняли в МГИМО и, вопреки желанию изучать Англию, бросили на Соединенные Штаты – главного врага. К счастью, главным (и самым полезным!) предметом оставался английский язык, его мы долбали ежедневно, причем на лучших образцах английской литературы: Шарлотта Бронте с душераздирающей историей соблазнения бедной гувернантки лордом Рочестером,³ Уильям Теккерей, в «Ярмарке тщеславия» показавший миру хищную леди Шарп и прогневший свет, Джон Голсуорси, который добротнo и чуть занудно поведал историю буржуазной семьи Форсайт. В современность пускали с оглядкой: газета британских коммунистов «Дейли Уоркер» надежно хранилась в спецфонде МГИМО, куда требовалось оформить допуск с рекомендацией преподавателя. После смерти Сталина двери чуть-чуть приоткрыли, правда, я уже специализировался по США и писал курсовые ужастики по поводу американского империализма и соответствующего мерзкого образа жизни.

Но Англия не отпускала сердце.

«Оттепель» принесла Джона Бойтона Пристли, Дорис Лессинг, Джона Уэйна, Джона Брейна, Алана Силлитоу, Чарлза П. Сноу, его жену Памелу Джонсон, чуть позже Айрис Мёрдок и других, смевших хоть немного подвергать критике английскую действительность. Сняли табу с барда империализма Редьярда Киплинга и с бывшего шпиона Сомерсета Моэма, ухитрившегося в 1917 году поплести интриги в России против большевиков. Другой бывший шпион, Грэм Грин, сначала отпугивал своим католицизмом, но его едкая критика истеблишмента, а потом беспощадная сатира на английскую разведку («Наш человек в Гаване») и антиамериканизм постепенно ввели его в круг прогрессивных авторов.

Хотя всегда душа тянулась к Англии, жизнь проходила по закону бутерброда: после защиты диплома о советско-американском сотрудничестве в 1941–1942 годах меня срочно бросили на работу в наш консульский отдел в Финляндии (вторым языком был шведский). Первое соприкосновение с границей захватило дыханием свободой, неподцензурными газетами, книгами и фильмами, магазинами, забитыми товарами, и многопартийной системой.

В поисках самого себя я забыл об Альбионе, купил себе часы «Лонджин», а папе нерповую шляпу-пирожок, тайно приобрел и прочитал «Доктора Живаго» на английском (боялся подойти к прилавку с русскими эмигрантскими книгами, считая, что повсюду око государево), писал грустные письма тем, кому положено было вздохнуть по мне в далекой России...

Тут на меня положила глаз разведка КГБ и, чуть проверив на практике, зачислила в кадры и направила в разведывательную школу под Москвой с перспективой триумфального возвращения в Страну озер. В школе я томился от скуки, там, по сути дела, повторяли зады МГИМО, разбавленные специальными, скучновато изложенными предметами. Однако к услугам курсантов была обширная английская библиотека, она не только давала яркую картину работы разведки, но и показывала реальную, а не придуманную жизнь в США и Англии. Я даже ухитрился сыграть в уайльдовской пьесе «Как важно быть серьезным», поставленной к выпускному вечеру нашими умницами-преподавательницами, естественно на английском языке.

³ Шарлотта и сейчас иногда является мне в сладких снах! Мечтаю посетить городишко Хейуорт в Йоркшире; говорят, что по его старинным улицам бродят привидения всех трех сестер Бронте, а их брат Брэнвелл грустно смотрит на них, забившись с кружкой пива в угол паба.

Каково же было мое изумление, когда, по зачислении в англо-скандинавский отдел, я узнал, что мне предстоит совершать подвиги не в Финляндии, а в Англии! Шеф отдела, высокий красавец в усиках, даже заметил, что я чем-то напоминаю молодого Уинстона Черчилля (потом, за праздничным столом, он утверждал, что я похож на Байрона),⁴ это привело меня в тайный восторг, несмотря на ужасную репутацию этого исконного врага СССР и всего прогрессивного человечества. Рассматривая себя в зеркале, я, правда, находил, что моим скромным челюстям далеко до оных сэра Уинстона, особенно мощно выпиравших накануне роковых сражений Второй мировой, когда он активно позировал фотографам. Это расстраивало, хотя по объему головы и по росту я ему не уступал, а когда засовывал в рот сигару (уже в Москве появились кубинские) и суживал глаза, то вполне мог лететь в Тегеран на конференцию с Рузвельтом и Сталиным.

Итак, добрая старая Англия, коварный Альбион!

Не зря я изучал Шекспира в оригинале, не зря штудировал «Книгу снобов» Теккерея и стоял в очереди за билетами на «Гамлета», показанного англичанами на фестивале молодежи и студентов в 1957 году. Тут я погрузился в политику и экономику Англии не в пропагандистском изложении, а на основе «Таймс», «Экономист» и других интригующих изданий. Немалое место занимали изучение Лондона по карте, составление маршрутов движения на метро и автобусах – без этого любые попытки обеспечить конспиративную связь с агентом обречены на провал.

Правда, потом оказалось, что шпионаж по карте совсем не похож на зеленое древо жизни, на его ветвях почему-то постоянно возникали непредвиденные трудности: опаздывали или совсем не появлялись автобусы, ресторан для встречи с агентом оказывался несенным еще лет пять назад, а улицы имели другое название. До сих пор бросает в жар, когда я вспоминаю свой судорожный бег на явку в районе Илинг (прибыл на автобусе в соседний район!), нервное перелистывание портативного атласа Лондона на виду у прохожих...

О, если бы это видел мой школьный наставник – отставной полковник! Он очень ловко создавал на наших учебных рандеву в чешском баре Парка культуры стрессовую ситуацию: «За мной следит наружка!», «У меня выкрали из кармана условия связи!» или «Сейчас нас арестуют!», делая при этом круглые испуганные глаза, которые внимательно следили, как я поведу себя в подобной ситуации: покроюсь ли потом, свалюсь ли со стула, побледнею или покраснею. И вообще, как я ему предложу действовать, как спасу от опасности «верного агента»?

За несколько месяцев до моего отъезда в Англию в столицу прибыла делегация левых лейбористов во главе с председателем группы «За победу социализма» Сиднеем Сильверменом, полным, низкорослым другом народа с седой бородкой (к сожалению, до Марксовых размеров она не доросла). С левыми тогда начинал флиртовать наш ЦК, и мой шеф вполне резонно решил обкатать меня на живых англичанах. В 60-е годы к иностранцам относились не только бережно, но и нежно, ЦК КПСС задавал тон и расстелил ковер на славу: закармливал до опупения зернистой икрой, балыками и севрюгой, упаивал до положения риз, окружил докторами и после переговоров (мне они показались совершенно пустыми) отправил на отдых в цековские особняки в Сочи. Эту идиллию разбавили дружеским визитом в Грузию, оттуда непривычные к глубоким пьянкам и обжорству лейбористы еле унесли ноги и по возвращении в Англию с трудом восстановили пошатнувшееся здоровье. Это были симпатичные люди, очень поверхностно осведомленные о жизни в СССР, они искренне верили в социализм (английских коммунистов презирали) и не одобряли правое руководство партии в лице Хью Гейтскелла и Джорджа Брауна. Переводил я старательно, хотя стыдился идиот-

⁴ Эта мысль живо переключается с ремаркой папиного друга об удлинённости моей физиономии; помнится, друг был изрядно пьян и сидел за столом в красных кальсонах.

ских тостов набравшихся ответработников ЦК. Однажды я оскандалился: в суете перепутал предлог в незамысловатом тосте «До дна!» («Bottom's up») и перевел его как «За дно!», что означало также за мягкую часть пониже спины. Тогда меня поразили вежливость англичан и их тактичные улыбки. Наши, к счастью, ни фига не поняли.

Но левые лейбористы считались в разведке «вторым сортом», хотя с ними активно работали. Все помыслы были устремлены на верхушку истеблишмента, на твердокаменных тори, на хитроумных жуков в Форин Офисе и разведке. Видимо, моя сомнительная челюсть сыграла роковую роль в планах шефа: мне определили как «объект проникновения» консервативную партию.

Тут, как два яичка к Христову дню, в Москву подкатили лорд Бессборо и писатель Норман Коллинз, они прибыли для проведения в нашем МИДе переговоров о культурных связях. Это были уже не простодушные друзья народа, а классовые враги, убежденные тори, которым палец в рот не клади, они с презрительным равнодушием выслушивали все рассказы о великих достижениях социализма и жили в посольстве, что считалось признаком приближенности к английской верхушке. Они были гораздо ближе к персонажам из «Ярмарки тщеславия»: безукоризненно вежливы, деловиты, непонятно остроумны, с завесой холодной сдержанности, которой славятся англичане.

К тому времени уже закрутили мое оформление в Англию и для укрепления легенды предписали выступать одним из переводчиков в качестве третьего секретаря МИДа. С лордами я раньше сталкивался только в романах: бессердечные, пьющие как лошади (неслучайна английская поговорка «пьян как лорд», то бишь в стельку), надменные, они непременно наказывали дворецкого за то, что тот ночью тайно отпивал немного шерри из графина.

Но как обращаться к лорду? «Милорд»? Это казалось мне глупым и старомодным, нечто из Дюма с его вероломной миледи Уинтер, к тому же разве не унижительно для советского дипломата и коммуниста употреблять такое обращение, будто я тот самый дворецкий или официант? Конечно же, мистер Бессборо! – ведь даже к президенту США обращаются «мистер президент».

На лице лорда не дрогнул ни единый мускул, но глаза стали ледяными, и наши отношения заморозились навеки, несмотря на мои усилия, предпринятые уже в Лондоне.

Но на этом мои беды не закончились. Писатель Коллинз, как представитель богемы, был живее и разговорчивее, в знак своего расположения он направил мне в подарок свою книгу «Лондон принадлежит мне», отдал ее шоферу своего посольства, и тот приволок ее в экспедицию МИДа. Там, естественно, начали искать адресат и устанавливать, в каком подразделении МИДа я имел счастье трудиться. В каком? В кадрах МИДа я еще не числился (ожидали высокой подписи под приказом), и экспедиция возвратила книгу в посольство, честно написав англичанину, что имярек в МИДе не работает. Первый удар по челюсти alter ego сэра Уинстона. Провал! Неслыханный провал еще до выезда на Альбион!

Мой шеф в ярости мерил шагами кабинет, звонил наверх по «вертушке», сообщая о ЧП, и, брызгая слюной, называл мидовцев предателями. Что же делать? Как спасти ситуацию? Сначала заставили оскандалившуюся экспедицию позвонить в английское посольство и сообщить о вопиющей ошибке. Но этого показалось мало. Во время очередного визита джентльменов в МИД меня срочно туда транспортировали и посадили на одном этаже с переговорщиками, там я с трепетом ожидал сигнала по телефону. И вот хриплый шепот в трубку: «Они вышли из кабинета!» В одну секунду, как спринтер, я сорвался со старта и вылетел в коридор, чуть не врезавшись в англичан на площадке у лифтов. Какая неожиданность! Какая приятная встреча! Какая радость! Хотелось броситься в объятия для убедительности, но англичане их не раскрыли.

– Огромное спасибо за книгу! – Я исходил фальшивой любезностью, самому противно было.

– К сожалению, вас не сразу нашли...

Очень деликатно, очень тонко. Представляю, как всем своим гнусным английским посольством они хохотали над глупостью КГБ! И над малограмотным юнцом, спутавшим лорда с обыкновенным смертным.⁵

– Вы не знаете нашей мидовской бюрократии... вечные неувязки... вечная путаница...
Еще бы! Ведь почти на две трети МИД заполнен КГБ и ГРУ...

– Наш Форин Офис не лучше. До встречи в Англии. Буду очень рад вас видеть.

Тогда я был наивен и полагал, что если говорят «буду очень рад», то подразумевают именно это, а не то, что вы – последний негодяй и плут, которому стоит свернуть шею. Коллинза, разумеется, я больше в глаза не видел, хотя много раз приглашал его на приемы в посольство.

И вот наконец день отъезда на Альбион.

Все старожилы предупреждали о скудости посольской зарплаты и советовали не стесняться и тащить с собою всю утварь по максимуму, тем паче что в те времена перелеты считались роскошью и сотрудников направляли в Лондон поездом или пароходом. Наше купе было забито тюками, картонками, кастрюлями, мисками в авоськах и чемоданами под самый потолок, картинно торчали таз для белья, горшок и коляска для будущего дитя. К тому же нам нанесли бесчисленное множество передач для родственников и друзей – буханки черного хлеба, водку, селедку в банках, любительскую колбасу et cetera, et cetera. Передавать посылки – самая страшная и неистребимая черта русских, с тех пор я в ужасе смотрю на любого, кто приезжает меня провожать. («У меня чуть-чуть... займет совсем немного места... если не трудно».)

Поезд мирно пересек Польскую Народную Республику (ландшафт стал менее безобразным, хотя и близким по стихийному, славянскому духу), въехали в ГДР (все стало аккуратнее и побогаче), а затем и в ФРГ (тут уже на перронах дымили сигарами сытые бюргеры в добротных костюмах). В Хук-ван-Холланде нас погрузили на паром, и вскоре на пути в порт Тилбури я впервые узрел берега Альбиона.

Николай Михайлович Карамзин в «Записках русского путешественника», которые я, естественно, тщательно изучил, как и подобало великому мореплавателю и авантюристу, испытывал потрясение при виде седых дуврских скал после отплытия из Кале.

Оно и понятно: Карамзин обожал «Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна,⁶ которого он называл на русский манер Лаврентием (сразу шел на ум Лаврентий Берия в черном пальто и шляпе и в пронзительном пенсне), и сверял свои наблюдения с блестящей книгой англичанина.

Как ни странно, у меня не пролилось ни единой горячей слезы.

Я въезжал как воин, ожидавший на каждом углу вражеской засады, я чувствовал себя лазутчиком в стане противника, и моя горячая рука постоянно сжимала пистолет под плащом. Настороженность и подозрительность долго сковывали мое восприятие Англии, много страстей боролось в моей правоверной большевистской груди. Разве не писал Ленин о том, как английская буржуазия за счет колоний подкармливает рабочий класс? Разве не известно, что демократия в Англии – лишь диктатура денежного мешка? Ладно, марксисты могли ошибаться, но ведь даже у Джона Осборна или Джона Уэйна хватало картинок ужасной нищеты простых людей и неприкрытого лицемерия вершителей судеб Великобритании.

⁵ Вообще-то лорды бывают разные. Уже в Лондоне я общался с лордом, носившем пуловер с продранными локтями; думаю, что он обиделся бы, если я назвал бы его «милорд».

⁶ Блестящий писатель умер в убогих меблированных комнатах, оставшись без денег и без помощи друзей, которыми он так гордился. Кладбищенские воры украли его труп из могилы и продали кембриджскому профессору для анатомических занятий студентов. Увы, бедный Йорик!

В Англии мое сердце разрывалось между ненавистью к буржуазии⁷ и любовью к Лондону, которая вспыхнула мгновенно – так в женщине, поразившей рыцарское сердце, нравится все, даже ее недостатки. Гайд-парк с озерцом Серпантайн, где прямо на подстриженной траве (глаз все искал пугающую надпись: «По газонам не ходить!») валялись влюбленные парочки и вальяжные одиночки с бутылкой вина, что навевало мысли о покинутой родине; у выхода на Найтсбридж напрягала воображение скульптура Эпштейна: Мефистофель тянул за собой целую группу существ (что это? неужели это сатана, ведущий нас в Никуда?); на каждом углу завлекали пабы с причудливыми названиями типа «Синий кабан» или «Гвоздь и мухомор»; газетчики гортанно выкрикивали на кокни сенсации дня, но я не мог понять ни слова; по центру под аккомпанемент медных труб и барабанов шагали королевские гвардейцы, олицетворяя собою процветание и стабильность.

Однако не так просто было смутить душу молодого большевика, воспитанного по всем канонам советской пропаганды. Разве уже не действовал марксистский закон об абсолютном и относительном обнищании трудящихся? В хрущевские времена нам уже не вбивали в голову, что с годами пролетарий нищает абсолютно, до полной голозадости, но как насчет относительного обнищания? Даже в секретном ежегодном отчете советского посольства в Великобритании фигурировал раздел о положении трудящихся, которое ухудшалось на фоне богатств жалкой кучки в полном соответствии с универсальным учением.⁸

Тогда я бурно сочинял стихи на тот случай, если из меня выйдет не Черчилль, а Байрон.

Дожди. Декабрьские дожди
Наш старый дом крошат.
Чужие громкие шаги
В ушах моих стучат.
Зевает зябко под окном
Румяный полисмен.
Мне снится ночью странный сон:
Почтенный джентльмен.
Как пена «Гиннеса» виски,
Массивное кольцо.
В полоску брюки и носки,
Штиблеты и лицо.
Он вежлив, выдержан и строг.
Он в юмор с детства врос.
В одной руке – любимый кот,
В другой – любимый пес.

Неприятный тип, ничего не скажешь! Правильно сказал о капиталистах Никита Хрущев: «Мы вас похороним!» Тогда мир выглядел иным, и будущее, казалось, за социализмом: в Индии – отсидевший у англичан Неру, в Египте – красавец, борец с англичанами Насер, в Индонезии – «брат Карно», на Кубе – пламенный Фидель, в Гане – умнейший Нкрума.

Почему же спала Англия? Оставалось лишь самоутешение: это лишь подкрашенный фасад, а на самом деле английские трудящиеся спали и видели новую бесклассовую Англию, без прогнившего королевского двора, болтливой парламента и рептильной прессы.

⁷ И сейчас порой жаждет душа загнать во двор наших олигархов, взять пулемет «Максим»...

⁸ Кстати, иногда кажется, что весь период реформ в России после 1991 года – всего лишь блестящая иллюстрация тезиса Маркса об абсолютном и относительном обнищании.

Постепенно воды реальной жизни подтачивали гранит моего мировоззрения: ежедневные контакты с англичанами – от прожженных тори и гибких сотрудников Форин Офиса до талантливых писателей Чарлза Перси Сноу и Алана Силлитоу; посильный вклад в разрушение моего большевизма сделали члены парламента лейбористы Деннис Хили и Дик Кроссман, видный консерватор Ник Скотт, многие актеры, режиссеры, журналисты...

Каждое утро начиналось с кипы газет и журналов, по воскресеньям – сладостный ритуал чтения воскресных изданий, естественно, за чашкой крепкого кофе с толстой сигарой в зубах (всегда помнил о сэре Уинстоне). К этому добавить ставшие доступными шедевры – «1984» Джорджа Оруэлла, «Слепящая тьма» Артура Кёстлера и «Мы» Евгения Замятина. Только законченный идиот мог бы устоять под таким натиском и с придыханием говорить о том, что «наши дети будут жить при коммунизме».

Четыре с лишним года в Англии пролетели как дым.

Но в конце концов, англичане не выдержали моей шпионской активности и выгнали меня из страны, объявив персоной нон грата.

Погрузились на паром и поплыли через Ла-Манш. В проливе штормило, огромные серые волны накатывали на нас, как горы; видимо, Англия то ли содрогалась от скорби, то ли хохотала до слез от счастья. По скользкой от рвоты палубе бродили мрачные типы, измученные морской болезнью, над судном с младенческими всхлипами проносились грязно-белые чайки, холодные брызги летели в лицо... Я придерживал сына на постромках и, как орел за решеткой в темнице сырой, с тоской вглядывался в удалявшийся английский берег.

Высокую печаль нарушали низменные мысли о будущем: неужели блестящая карьера разведчика и дипломата закончилась навсегда? В какое подразделение КГБ меня определят? Ясно, что не в английское, но неужели направят куда-нибудь в Гвинею, где по ночам во влажной духоте по телу ползают ядовитые змеи? Или бросят в Борисоглебск на борьбу с местными диссидентами?

Кё сера сера! Что будет, то будет! Заведу огородик, садик, буду возделывать крыжовник, как чеховский Ионыч, жена бросит, и правильно! – кому нужен неудачник? – буду по черному дуть самогон, заведу кроликов и навсегда забуду о проклятом Соединенном Королевстве. Неужели я никогда не увижу Пиккадилли, не похлебаю суп из бычьих хвостов⁹ в ресторанчике Сохо, не послушаю орган в Эдинбургском соборе?

Никогда. Никогда.

С детства ненавидел это слово, и, когда пытался представить смерть, она прорезывалась в затяжном, бесконечно жутком НИ-КОГ-ДА.

«Больше никогда! – кричал Ворон у Эдгара По, – nevermore!»

Как ни странно, несмотря на вопиющую грубость властей, моя нежность к Альбиону не угасла. Почему, собственно, грубость? Враги исполняли свой долг точно так же, как и я – свой. Не шпионь! будь паинькой! – и никому в голову не придет тебя выставлять из страны. К тому же разве мы не молимся на жен, которые лупят нас сковородкой по голове?

В Москве меня встретили безрадостно, но вполне благосклонно: в джунгли на съедение тиграм не отправили, а через полтора года командировали в страну сказочника Андерсена, показавшуюся мне дикой деревней после величественного Лондона.

Даже порок в копенгагенском гнезде разврата Нью Хавн был затхлым, как баня в провинциальном городе, и не отдавал благоуханной разнузданностью Сохо или Мейфер. Пошлая дребедень на каждом углу: вдруг пьяная шлюшка задирает юбку и шумно, словно извергает водопад, писает на асфальт; на картинке в витрине магазина два здоровенных мужика обольщают рыжую кобылу (Дания тогда была единственной европейской страной с дозволенной порнографией); бутербродный ресторан у озера, каждый бутербродик – раз-

⁹ До первой пробы мне казалось, что хвосты торчат из тарелки и нужно их вытаскивать и, возможно, даже ошипывать.

мером со свинью. Полноте, разве уважающий себя джентльмен будет терзать такой сэндвич? Роняя крошки на пол, обливаясь потом, засовывая с трудом в рот это огромное чудище обло...

Где дыхание вековой культуры? Забитая шедеврами Национальная галерея в Копенгагене – не самое худшее, но это же не галерея Тейт с избытком Тёрнера и первобытных глыб Генри Мура, это же не Национальная галерея и даже не коллекция Уоллес. Ничего подобного в стране непуганых викингов, лишь дальнейшее эхо живописи, жутко именуемое глиптотекой, под пивной вывеской «Карлсберг».

Конечно, если помчаться вдоль моря к Эльсинору, в замок псевдодатского принца (на самом деле Гамлет – истинный англичанин), невыносимо именуемый аборигенами Хельсингером (словно кость в глотке), то по пути можно заглянуть в Луизиану, изысканный музей-модерн среди скал и декоративных растений. Но и его лик сразу же напоминает Баттерси-парк у Темзы, там тоже таятся в кустах скульптуры Генри Мура и Барбары Хепверт, и сердце снова томится по Альбиону.

Единственная отрада – толстые английские газеты по воскресеньям, когда, растянувшись на диване, впиваешься в «Санди таймс» и «Обсервер», варясь в чисто альбионском соку. Я исправно посещал все английские фильмы и единственный в городе «Остин Рид», филиал того самого, что на Риджент-стрит, величественного, мужского из мужских; я любил покопаться в книжных лавках на английских полках и, конечно, рвался контактировать с англичанами. Но в Копенгагене их было с гулькин нос. Однажды столкнулся с захудалым третьим секретарем английского посольства, который хвастался, что он всю жизнь провел в Лондоне. Однако на мои вопросы о конкретных районах и улицах (уж мои шпионские ноги славно там побегали!) он отвечал лишь растерянной улыбкой – вывод ясен: провинциал, скорее всего, разведчик (английская разведка уже давно черпала кадры не в истеблишменте, а в среднем классе).

Жизнь неслась вперед, за первой поездкой в Данию последовали несколько лет славных деяний в Москве, и вот в 1974 году неожиданно меня вновь призвали под антианглийские знамена. Причина заключалась отнюдь не в моих недюжинных талантах (а хотелось бы!), а в кадровом кризисе: в 1971 году после бегства серенького кагэбэшника Лялина английские власти раздулись от гнева и вышвырнули из страны не двух-трех, как было принято, а сразу 105 (!) советских дипломатов и прочих. Такого не бывало в истории! Выгнали, ввели квоты и наложили табу не только на тех, кто хоть раз понюхал английский воздух, но даже на героев невидимого фронта, хотя бы раз выезжавших за кордон (там их англичане брали на заметку).

Как было в этой сложнейшей обстановке не вспомнить о прославленных челюстях сэра Уинстона? И я стал «главным начальником» по Великобритании, которому вменялось организовать контратаку и возродить птицу Феникс из пепла. Увы и ах, но командовать сражением пришлось из Москвы – полный абсурд пробивать визу для персоны нон грата, вот схватились бы за сердце изумленные английские власти!

На новом ответственном посту захотелось воплотить свои яркие мысли в бессмертный научный труд и оставить его благодарным потомкам, которым еще много лет придется взрывать бастионы непокорного Альбиона. Душа горела приобщиться к сонму кандидатов наук с 10-процентной надбавкой к зарплате и лишними 10 квадратными метрами жилплощади; о престиже и надутых щеках не упоминаю из скромности. Роясь в архивных делах, я наткнулся на талантливый опус об англичанах нашего агента Гая Берджеса, работавшего в Форин Офисе и спецслужбах – он вместе со своим другом Кимом Филби входил в «великолепную пятерку», золотой фонд нашей разведки. «Основное критическое замечание, – писал Берджес в своем труде, – которое автор как агент, его друзья и завербованные им агенты должны сделать в отношении связанных с ними оперативных работников, касается не

вопросов личных взаимоотношений (они всегда были прекрасны), не техники нашей работы (тут оперативные работники знали гораздо больше наших агентов), а недостаточного знания жизни буржуазного общества и его институтов в Англии».

Вот где собака зарыта! Вот в чем нуждается самое острое оружие партии!

Никто особо не возражал против моей темы «Особенности национального характера, быта и нравов англичан и их использование в оперативной работе», однако к какой науке ее приткнуть? Национальная психология в начале семидесятых считалась буржуазной ересью, даже социология еще вызывала сомнения: не подменяют ли ею законы классовой борьбы? Что это еще за национальный характер, если совершенно ясно, что есть «нация богатых» и «нация бедных», – разве не так писал об Англии даже консерватор Дизраэли? Что скажет на это княгиня Марья Алексевна – Высшая аттестационная комиссия (ВАК)? Однако если КГБ считал, что в интересах государственной безопасности целесообразно – вот он, канцелярит времени! – осваивать целину национального характера, то какой же профессор кислых щей из ВАК поднял бы голос против?

Тема меня захватила и уже не отпускала. Оказалось, что классики отступают от своей занудливо классовой догмы: Карл Маркс делал превосходный бифштекс из Пальмерстона и Гладстона, говоря о пробализме и лицемерии англичан, не отставал в характеристиках англичан и его друг Фридрих Энгельс, а верный ученик и продолжатель Дела Владимир Ильич написал даже отдельную статью об английской нелюбви к теории и постоянно стегал правящие классы за фарисейство, а рабочий класс за то, что он урывает со стола жалкие крохи, которые ему подбрасывает обожравшаяся английская буржуазия.

Ободренный моральной поддержкой классиков, я окунулся с головой в океан литературы об Англии. Кто только не писал об этой стране! И англичане, и иностранцы, даже те, кто пробыл в Англии лишь несколько часов. Одни исходили желчью, другие – слюной восхищения; казалось, что в Англии скрывался раздражитель, подвигающий каждого наблюдателя обязательно высказаться.

И все с апломбом.

И поныне хочется снять шляпу перед очень многими, особенно перед Оливером Голдсмитом,¹⁰ остроумно описавшим английские нравы XVII–XVIII веков от лица путешествующего китайца; перед культурологом Николасом Певзнером с его «Английскостью английского искусства»; перед блестящим Джоном Б. Пристли, который в «Английском юморе» и «Англичанах» субъективно и потому объективно взглянул на достоинства и недостатки своей нации. Я жадно читаю об англичанах и до сих пор; из самых последних творений, пожалуй, наиболее интересна книга «Англичане» телеведущего Джереми Паксмана, привнесшего в тему современный материал.

Из неанглийских книг достойны упоминания «Монологи об Англии» американского философа Сантаяны, хотя они сладковато-англофильские, и по-немецки фундаментальный труд профессора Айвана Блоха «Сексуальная жизнь в Англии» – там, вопреки порнографическим ожиданиям, проглядывается генезис многих английских черт. Уже позднее, при написании этой книги, мне помог выдающийся историк Вадим Кожин, много полезного дали замечания бывшего сотрудника ЦК Валериана Нестерова и моих коллег Юрия Кобаладзе и Виктора Кубекина, которые долго жили и трудились в Англии на благо английской социалистической революции.

Выписав сотни цитат и совершенно запутавшись в клубке противоречивых суждений, я неожиданно почувствовал в себе великого ученого, который обязан провести экспери-

¹⁰ Голдсмит был шотландцем, и над ним много глумились его друзья-англичане. Политическая звезда, сэр Роберт Уолпол, называл его «вдохновенным идиотом», а пьянчуга и гранд-болтун доктор Самуэль Джонсон писал: «Никто не сравнится с ним в глупости, пока у него нет пера в руках, а как только он взялся за перо, нет человека умнее его».

менты в подтверждение своих теоретических выкладок. Почему бы не опросить англичан, не посадить несколько человек на полиграф – так интеллигентно называли «детектор лжи» – и не засыпать подопытных кроликов вопросами? Вот тогда, краснея и бледнея, каждый из них обнажит свою «национальную душу», и я утру нос буржуазным фальсификаторам. Но где найти столько англичан? Кто пустит меня в Англию? Да и кто, даже русский, согласится добровольно сесть на полиграф?

Но все же я разработал анкету с перечислением всех особенностей национального характера англичан и начал проводить беседы с коллегами, имевшими счастье сталкиваться с «нацией лавочников». Коллеги морщили лбы и исполняли соло о собственных подвигах, их совершенно не волновали мои открытия, англичан они воспринимали по-разному, но на всякий случай проявляли чекистскую конспиративность и воздерживались от прямых оценок.

В те времена я иногда обращался за дружеским советом к Киму Филби, асу шпионажа, еще в 1963 году сбежавшему под угрозой ареста из Бейрута в Советский Союз и мирно жившему в небольшой квартире в Трехпрудном переулке. Там было легко и уютно, там стояли на полках великолепные фолианты, от Эдуарда Гиббона и Энтони Троллопа до Грэма Грина, а жена Кима, Руфина Ивановна, потчевала нас отменными блюдами, вполне соответствующими «Джонни Уокеру» с черной наклейкой.

Сам Ким Филби был типичнейшим англичанином старой закваски: юность в колониальной Индии (пробковые шлемы, белоснежные костюмы, стек, зажатый в руке и готовый обрушиться на спину непокорного раба), аристократическая школа Вестминстер и Кембриджский университет, закрытые клубы на Пэлл-Мэлле (ожесточившийся Байрон назвал этот проспект «дорогой в ад» – дай бог каждому такую дорожку!), высокие связи в кругах истеблишмента, работа в прославленной Секрет Интеллидженс Сервис (à propos добавим, что на КГБ).

И сам облик Кима: обаятельное заикание, серый кардиган на плечах и темноватый галстук, пересеченный голубыми полосами, вельветовые штаны рыжего цвета, мягкие манеры, джентльменские уклончивость и сдержанность, суховатый юмор, бегущий подтекстом по речи, – просто живое воплощение английского национального характера...

Когда я сообщил Филби, что работаю над проблемой национального характера англичан, он воспринял это как тонкую шутку и добродушно хмыкнул. Увидев, что я до безумия серьезен (в голову приходит кот, сидящий на ящике с песочком), он окаменел и после продолжительного заикания с ужасом спросил:

– Майкл, а зачем все это надо?

– Как зачем?! Разве мы не должны знать психологию англичан и их традиции? – Я даже захлебнулся от переполнявшего меня пафоса. – Мы все время вращаемся в высоких кругах... Представьте, Ким, что сотрудник разведки попал на ужин к англичанам, за столом передают по кругу графин с портвейном, естественно португальским, а он по невежеству оставляет его рядом с собой... разве это не ужасно?

– Пожалуй, вы правы! – вздохнул Ким. – Сколько раз мне хотелось держать этот проклятый порт перед собой.

Когда я показал ему анкету, он совсем изумился и устроил мне настоящий допрос: кому пришла в голову столь дикая идея? санкционировало ли это руководство КГБ? каким образом я планирую вести исследование и использовать его результаты? Если бы я не был уверен в честности Филби, то, наверное, решил бы, что он беспокоится за судьбу английских спецслужб, которых мои научные открытия могли превратить в послушных агнцев. Можно представить, что произошло бы с Англией, если бы каждый советский разведчик овладел моей беспроблемной методикой вербовки англичан: тогда в агентов КГБ мы превратили бы все население, включая королевскую семью!

Тем не менее Филби добросовестно ответил на все мои вопросы (правда, мы больше налегали на скотч) и, главное, разрешил сослаться на его авторитет при защите диссертации – что могли вякнуть оппоненты при поддержке героя разведки?

Защита диссертации прошла без сучка без задоринки. Никто не стал скрещивать шпаги с «главным боссом» по Англии, тем более что я никому не мешал и уже оформлялся резидентом в Данию. После экзамена я пригласил профессора (естественно, полковника КГБ, считавшегося «мозговым трестом» нашего заведения) в солидный ресторан и закатил праздничный ужин. Там в порыве пьяной откровенности я признался ему, что Ильич, бесспорно, велик как политик, но как философ однобок, и вообще неприлично крыть чуть ли не матом епископа Беркли и разных махов и авенариусов. К моему ужасу, уже изрядно набравшийся профессор чуть не перевернул стол от возмущения и заорал на весь зал, что я ревизионист и мне не место в органах. Публика оборачивалась на его крики, прибежал перепуганный официант, но он продолжал размахивать руками и скандалить, пока я не влил в него очередную бутылку. К счастью, наутро он полностью забыл об инциденте и, икая, бормотал по телефону, что мы «хорошо посидели».

Так я стал ученым мужем и англоведом.

Потом наступило датское зарубежье, далекое от благородных наук, а в 1980 году, после отставки, я засел за почти безнадежное писание пьес и романов. Какое счастье, что мы не в силах предугадать свою судьбу! Разве я мог предвидеть, что рухнет и союз нерушимый республик свободных, и самая мудрая в мире партия – КПСС? Даже Нострадамус не увидел бы в своем магическом кристалле туманного и беспредельного облака, именуемого российской демократией, и, уж конечно, удивился бы концу холодной войны.

Осенью 1990 года мне повезло, и популярнейший из популярнейших «Огонек» три месяца печатал мой роман «И ад следовал за ним...», где я в откровенных тонах поведал о похождениях резидента КГБ в Англии Алекса Уилки, который в конце концов угодил в английскую тюрьму. С этого времени я стал частым гостем в газетах и журналах, достаточно много писал об английских и советских шпионах, и снова в них брезжил туманный Альбион...

Не без влияния книг Грэма Грина, Сомерсета Моэма, Комптона Маккензи и Джона Ле Карре мое отношение к шпионажу претерпело дальнейшую эволюцию и стало скептически-философским. В конце концов, каждый из нас немного шпион. Жена ругает мужа за то, что он явился пьяным рано утром, и внимательно осматривает его пиджак в поисках женских волос – можно подумать, что нельзя выпить просто так. Муж тоже иногда вроде бы случайно снимает параллельную трубку, когда разговаривает по телефону жена, мог бы один раз поставить магнитофон, когда к жене приходит лучшая подруга, – после этого если не произойдет развода, то желание подслушивать пропадет навсегда. А разве мы не шпионим за своими детьми? С кем водится дочка, и почему у нее бегают глаза после вечернего гуляния? От сына после катка пахло водкой, где он был на самом деле? Почему соседка по этажу плотно завешивает окна, и вообще, кто ее муж? И муж ли тот самый усатый в очках, который однажды позвонил по ошибке в вашу дверь? А еще раньше в дверь позвонил носатый бородач в кепке – так кем же он ей доводится? Но главным в скепсисе стала бессмысленность шпионажа на фоне большой политики и непредсказуемой поступи Истории.

За какие, собственно, преступления меня выгнали из любимой Англии? Не королеве же я разможил голову веджвудской вазой! Не задушил же я принца Чарлза за его тайные randevu с Камиллой Шенд, ставшей в замужестве Паркер-Боулз!

В 1993 году после многозначительных затяжек англичане дали мне визу и произошло возвращение блудного сына на Альбион. Я помнил Лондон круглых котелков и элегантных зонтов-тростей, очень строгий распорядок работы ресторанов, когда после трех уже не подавали ленч. Пабы не работали по воскресеньям, вином там не торговали, фунт состоял из

20 шиллингов, 21 шиллинг по старинке именовался гинеей, порция скотча в пабе стоила 3 шиллинга, и вообще в стране были тогда совершенно иные цены.¹¹ Темнокожие встречались достаточно редко, больше индусы; я бывал в великолепных ресторанах «Прюнье» и «Монсеньор» – куда они подевались?

Лондон поменял цвет.

Около 50 лет назад 492 иммигранта-ямайца прибыли в Тилбери на пароходе, и это считалось не особенно значительным событием – ведь и раньше в стране хватало иммигрантов из бывших колоний. За тридцать с лишним лет выросли и включились в жизнь темнокожие и желтокожие граждане Великобритании, такие же полноправные, как их бледнолицые братья. Подумать только: в цитадели истеблишмента, Форин Офисе, из пяти тысяч общего числа служащих двести человек не белые!

Однажды я сидел за своим компьютером и писал что-то занудное о шпионах, эта тема уже была у меня в печенках, хотелось вырваться на широкие просторы и написать «Войну и мир» или нечто более грандиозное. Но что? Иногда я вспоминал о своей диссертации, она с годами казалась все фальшивей, хотя сама тема не переставала волновать.

До сих пор у меня не укладывается в голове, каким образом первобытный человек превратился в англичанина, римлянина или русского, как люди заговорили на разных языках? Жила себе была неприятная, вонючая обезьянка (скорее всего, придуманная Ч. Дарвином¹²), затем, в течение тягучих веков, она превратилась в Большую Обезьяну, встала на ноги, привязала камень к палке, чтобы убивать других обезьян, и стала человекообразной. А вот как это нечесаное существо с тупой мордой вдруг обрело национальность? Почему одна обезьяна стала англичанином, а другая русским? Кто им ломал язык, чтобы они заговорили по-разному?

Тут я услышал веселый голосок:
Но взял он меч, и взял он щит,
Высоких полон дум.
В глущобу путь его лежит,
Под дерево Тумтум.

Сначала я окаменел от этой арии – что это? кто это? Бреющийся сосед за стеной? Знаменитый сверчок на печи? А может (чем черт не шутит!), в квартире завелся домовый? Но чем больше я вслушивался в этот голосок, певший по-английски, тем яснее чувствовал местный диалект. Нет, это был не гэльский, не валлийский и не ирландский – я никогда бы не решился назвать диалектами эти мощные языки! – эврика! наконец я уловил: это самый настоящий чеширский акцент.

Что это за парень из графства Чешир? Имеет ли он отношение к знаменитому пабу «Старый чеширский сыр», что благополучно стоит на Флит-стрит, недалеко от Трафальгарской площади, там я не раз охмурял за пивом вожделенных консерваторов. Я внимательно оглядел кабинет. Вдруг прямо над гравюрой с людоедом, глодающим кости (именно подобные произведения искусства грели мое доброе сердце), появилось молочное облачко, очень напоминавшее кусок лондонского смога. Оно медленно разрасталось, пока не превратилось

¹¹ Нет ничего глупее, чем размышлять над ценами в разные времена! Например, Владимир Набоков получил за свой перевод на русский «Алисы», названный «Аня в Стране чудес», всего лишь пять долларов. Это была приличная сумма для Германии времен инфляции. А в шестидесятые мы с женой и сыном безбедно жили на зарплату второго секретаря посольства в 120 фунтов и даже не воровали.

¹² Размышления над обезьяной привели меня к созданию гениальной баллады: «Англичанин Чарлз Дарвин, старый циник с бородой, почему от обезьяны ты считаешь род людской? Мы совсем другого рода: как пантеры, дико злы, хитроумны, как лисицы, ароматны, как козлы». Финал потрясает: «Разве можно голос нежный и желанье целовать обезьянно-стью какой-то беспардонно объяснять?» Полет мысли высок, не правда ли?

в растянутую до ушей улыбку, правда, сами уши отсутствовали, однако они предполагались – разве можно растягивать улыбку, если нет ушей? Что же это за абстрактная улыбка? В свое время в графстве Чешир круглым сырам придавали вид улыбающейся кошачьей морды, кроме того, над пабами в этом графстве один подгулявший маляр любил рисовать ухмыляющихся львов.

Боже, так это Чеширский кот! Самый загадочный персонаж «Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, который, кстати, родился в Чешире и почти всю жизнь преподавал математику в колледже Крайст-Чёрч Оксфордского университета.

Улыбка постепенно обросла носом, усами и головой – Чеширский кот вполне пристойно спустился на стул и потянулся.

– Почему бы нам с тобой не погулять по англичанам? – спросил он, помахав хвостом.

– Разве по ним можно гулять?

– А почему бы и нет? Если можно гулять по мостовой, по траве и даже по трубе, то почему нельзя совершить променады по англичанам? Чем они хуже травы? Как пела черепаха Квази: «Не робей, моя улитка, и пойдем со мной плясать!» Подумай: ты так долго шпионил в Англии, так много накопил разных полезных знаний, ты даже что-то о ней накопил своим лживым пером... Но ведь все это полетит к чертовой матери, когда ты протянешь ноги!

Аргумент был сильным: действительно, ужасно сгинуть и ничего не оставить человечеству.

– Заодно напишешь и обо мне! – добавил Кот. – Ведь доктор Чарлз Лютвидж Доджсон – таково настоящее имя Кэрролла – даже не упомянул обо мне в первом варианте книги, чем я ему не угодил? Скорее всего, я вылетел у него из головы, как вылетел из трубы мой друг, ящер Билл. Пришлось мне самому напомнить о себе разговорчивому декану, ведь он был рассеян и по уши влюблен в десятилетнюю Алису Лидделл, ей и ее двум сестрицам он и нес белиберду, составившую потом его шедевры. Если честно, Кэрролл был самым настоящим педофилом, и, дай ему волю, он соблазнил бы всех девственниц в Оксфорде и его пригородах.

Я никак не мог привыкнуть к постоянной нахальной улыбке Кота, к седоватым усикам, которые топорщились над ней, все это наводило на мысль, что Кот смеется надо мной и несет всякую чепуху.

– Почему ты все время улыбаешься? – спросил я. – По-моему, это не очень вежливо. Все-таки ты чеширский джентльмен...

– Твой взгляд на мир поверхностен, как и у большинства людей, особенно из твоего ведомства. Спокойно подумай над следующим: каждый из нас, смертных, трубит обо всем, будучи глубоко уверенным в своей правоте. Особенно это касается великих мира сего из любых сфер. Политикам кажется, что они привели свои страны к счастью, ученые медики тешат себя иллюзией, что могут излечить любые болезни, а писатели думают, что народ рыдает над их строчками. Вот я и улыбаюсь постоянно, чтобы никто никогда не думал, что способен подменить Бога и обрести Истину. Увы, сколько людей, столько и истин, совсем непохожих на Истину, я улыбаюсь, чтобы люди стыдились своей самоуверенности и сомневались в своих словах и поступках. Кстати, меня порадовало твое замешательство, когда я предложил тебе прогуляться по англичанам...

Почему бы, действительно, не прогуляться по англичанам, да еще в такой приятной компании? Пугали масштабы темы, чудилась рукопись толщиной в вековой дуб, и перед глазами стояла булгаковская старушка Настасья Ивановна из Леонтьевского переулка, охладившая пыл автора, когда он принес свое сочинение на суд мэтру Ивану Васильевичу.

«– Леонтий Сергеевич, – отозвался Иван Васильевич, – пьесу мне принес.

– Чью пьесу? – спросил старушка, глядя на меня печальными глазами.

– Леонтий Сергеевич сам сочинил пьесу!

– А зачем? – тревожно спросила Настасья Ивановна.
– Как зачем?.. Гм... гм...
– Разве уж и пьес не стало? – ласково-укоризненно спросила Настасья Ивановна. – Зачем же вам тревожиться сочинять?»
Но я сочинил.

Не обойтись без нескольких пояснений.

Официальное название страны: Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – появилось лишь в 1922 году, после превращения южной части Ирландии в республику, независимую от Великобритании. Северная часть, Ольстер – до сих пор арена острых схваток между протестантами и католиками, недавно ему предоставили автономию, но потом опять ввели прямое правление.

Так что речь не идет о честных ирландцах, которые разорвут вас на части, если узнают, что попали в «английский национальный характер», народ они добрый, но слишком горячий. Я до сих пор помню, как меня чуть не вышибли из дублинского паба за то, что я имел неосторожность назвать Джонатана Свифта, Бернарда Шоу, Оскара Уайльда, Джеймса Джойса и Самуэля Беккета английскими писателями... ведь это истинно ирландские гении!

Не будем трогать и шотландцев; в конце концов, вся история Британских островов – это переход власти из рук шотландских в руки английских королей, и кому, по сути дела, принадлежат острова, остается открытым вопросом. Шотландия официально стала частью английской короны в 1707 году, но ныне развивается и ширится движение за отделение Шотландии от Великобритании, и уважаемый Шон Коннери, так успешно бившийся с КГБ в роли Джеймса Бонда, придуманного бывшим разведчиком (и пьянчугой) шотландцем Яном Флемингом, вносит в это движение посильную лепту. Сейчас функционирует независимый шотландский парламент, а что будет дальше – знает лишь небо.

С валлийцами проще, но тоже сложно. Хотя они давным-давно интегрировались в Великобританию, но хорошо помнят древние времена, когда на острове задавали тон их предки-кельты. (Кстати, ирландцы и шотландцы тоже кельты, правда северные, что сути дела не меняет.) В Уэльсе тоже своя Ассамблея и свои амбиции, они тоже возмущаются, если их причисляют к англичанам. Пока что всех устраивает определение «британцы», но как долго это продлится?

Второе пояснение для тех, кто не изучал законы диалектики по четвертой главе «Истории ВКП(б)», написанной лично тов. Сталиным.

Все в мире меняется, ничто не вечно под луною, в том числе и национальный характер. Меняется медленно, из века в век, но, конечно, не так радикально, как история. Кровавые английские короли даже при большом желании не напоминают нынешних монархов, бродяги из пьес Шекспира и жизнелюбы, вроде Фальстафа, серьезно отличаются от современных бомжей, вещающих с самодельных подиумов в Гайд-парке. Не удивлюсь, если через сто лет англичане, перемешавшись с англичанами-иммигрантами, станут похожими на Отелло и превратятся в ревнивых благородных мавров.

Третье пояснение уже из области теории относительности (как говорят, «хохма Эйнштейна»).

Какие бы черты национального характера ни выплыли на свет, моментально возникает вопрос: по сравнению с кем? Скажем, англичане лицемерны. Но любой турок или араб разыграет комедию фарисейства, которая и не снилась лицемерному сквайру. Сдержанность англичан покажется разболтанностью угрюмому финну, а английский практицизм изумит прытких американских бизнесменов своей беспомощностью. Нечего и говорить, как будет плевать педантичный немец, услышав о точности англичан. Таким образом, любая черта национального характера относительна и познается лишь в сравнении.

Четвертое пояснение связано с предыдущим: следует помнить, из чьих уст вылетела птичка. Англичанин об англичанах – это одно, ирландец, настрадавшийся от англичан, – другое, американец, уже давно оторванный от Англии и создавший свою цивилизацию, – третье, русский увидит в англичанине четвертое, а друг степей калмык – пятое. Каждый смотрит со своей национальной колокольни, выглядывает из своего национального характера.

И last not least.

Национальный характер – лишь бойкая увертюра к симфонии, которой является личность, каждого из нас невозможно вогнать в научную матрицу, все мы неповторимы и сугубо индивидуальны.

Вывод прост: не надо ничего абсолютизировать, древо жизни непокорно и вечно, оно неподвластно догме. И не надо относиться к себе и своим научным изысканиям излишне серьезно (тут у меня всегда под рукой Улыбка Чеширского кота), не успеешь оглянуться, и геометр Лобачевский заменит геометра Евклида, а на их обоих поставит крест математик Эйнштейн. А тут еще клонирование...

Чем глубже я изучал англичан, тем больше думал о русских.

До наших великих потрясений мне и в голову не приходило фантастическое сходство судеб наших народов. Англичане были основными строителями Британской империи, в которую входило почти полмира. Империя распалась и превратилась в Содружество, где каждый рулит по-своему.

Российская империя пошатнулась во время большевистской революции, но устояла, укрепилась и после Второй мировой войны добавила к себе Восточную Европу. Перестройка, внезапный распад СССР, появление СНГ, не менее аморфного, чем Содружество.

Конечно, это были разные империи.

Наша экспансия распространялась на соседние государства и земли, у русских императоров хватало осторожности, чтобы не залезать слишком далеко, и без этого Александр I считал, что «пространство – это бич России». Английская экспансия была глобальной и более агрессивной. Хватало и крови, но без крови империи не строятся. Англичане и русские столько вложили в свои колонии, столько там понастроили, что до сих пор тамошние жители, если они не чокнулись на слепом национализме, со вздохом вспоминают кусочки прошлой жизни.

Англичане давно возятся с Ирландией, у нас появились Чечня и терроризм, намного превосходящий ирландский. Совсем недавно в маленьком Зимбабве возмущенные чернокожие начали громить белых английских фермеров, чья беда лишь в их цвете кожи и относительном процветании.

А разве нет сходства в том, что русских, как и англичан, во всех бывших республиках начали хамски именовать «оккупантами»? Ну ладно прибалтийцы, их Сталин захватил совсем недавно, а то украинцы, и казахи, и узбеки, и все кому не лень! Можно начать и со времен великого переселения народов, и тогда все народы побывают одновременно в шкуре и оккупантов и пострадавших...

Другое сходство английской и русской судеб: в маленькой Великобритании ирландцы, шотландцы и валлийцы имеют автономии разной степени независимости, тенденция к утверждению национальной самобытности возрастает. А англичане? Кто-нибудь слышал об английской республике? Народ, скрепивший Великобританию и всю Британскую империю, не имеет никакого статуса. Как и русские. Мы, подобно англичанам, – везде и нигде. Никогда не имели своего собственного угла. В постоянном страхе, что если мы создадим собственную республику (или царство), то моментально от нас убегут Башкирия, Татарстан, весь Северный Кавказ, Мордовия и Коми (обязательно сдуру убегут!). Попробуйте заговорить в Великобритании о независимости англичан: тут же поднимется вой, мол, произойдет разрыв с Шотландией и Уэльсом, не говоря уже о Северной Ирландии.

Национальным праздником англичан считается 23 апреля – День святого Георгия. Но ведь он и наш святой, это и московский покровитель; правда, раньше его затмевало рождение Ленина 22 апреля, но все же 23 апреля наш общий день, хотя несколько подмоченный рождением Адольфа Гитлера (но Бог милостив и уравновесил зло рождением Уильяма Шекспира и Владимира Набокова). «Есть вещи на свете, мой друг Горацио, что недоступны нашим мудрецам...» – писал Шекспир.

Английский консерватор – член парламента говорит: «Посмотрите на французов, у них такие же большие проблемы, как и у нас. Но они знают, кто они такие, даже если не знают, куда идут. Мы даже уже не знаем, кто мы такие». Не о русских ли это? Неужели об англичанах? Любои русский, услышав это, скептически усмехнется – ведь именно Англию принято считать образцовой страной, новая номенклатура даже посылает туда на учение своих детишек.

Еще одно небезынтересное сходство: в стабильной Англии не утихают бурные споры между традиционалистами и либералами, по-нашему – патриотами и демократами. Разумеется, либералы постоянно вылезают со своими реформами, словно у них шило в хвосте, ратуют за теснейший союз с США и всей Европой, шумят, что Великобритания увязла в обветшалых традициях, не вписывается в мировой прогресс. Они даже требуют упразднить самое святое – монархию! Еще в 1959 году главный идеолог либерализма, лейборист правого толка Рой Дженкинс,¹³ призывал отменить казнь через повешение, реформировать цензуру, изменить порядок и время работы пабов и торговых точек по воскресным дням, смягчить или отменить законы об абортах, разводах и гомосексуализме.

Вода камень точит, и многие либеральные планы сбылись. Но далось это с трудом: ведь не дремлют английские патриоты и беспощадно лупят по рукам. «Остановитесь, масоны и враги Альбиона! – кричат они. – Куда несутся ваши безумные кони? Как прекрасно было старое доброе время, когда не валяли в грязи мораль и верили в Бога, Империю, Содружество, Честность и Порядочность. Что вы принесли своими нововведениями? Разгул секса и наркомании, всеобщую продажность, нигилизм, узаконенные педерастию и лесбиянство! А началось вроде бы с пустяков, с отмены цензуры на „порнографический“ роман Дэвида Лоуренса „Любовник леди Чаттерлей“, с культа американской звезды Элвиса Пресли и размещения в Англии американских солдат, с пособий для незаконных детей и других социальных благ, развративших народ и укрепивших всеобщую безответственность. Телевидение коверкает английские души, – продолжают патриоты, – наплыв иммигрантов и их британский статус ставят под вопрос существование самой английской нации. Заменить могучий фунт стерлингов на жалкое евро? Перейти на правостороннее движение? Отменить дюймы и ярды? Раствориться в европейском конгломерате и жить под диктовку тупых чиновников из Брюсселя? Мало вам запрета на английскую говядину?!»

Никогда!!!

И тут Англия и Россия – близнецы.

Уже слышу возмущенный глас: да уймись ты, гнилой западник, англофил дерьмовый!

Я люблю Англию, но после месяца в Англии уже скучаю по России. После года в России мне хочется хоть краем глаза взглянуть на мой Альбион.

Мой Альбион.

Англофил так англофил.

Все-таки это намного лучше, чем педофил или некрофил.

¹³ При смелом полете фантазии Егор Гайдар весьма напоминает своим обликом Роя Дженкинса, который и вхождение в Европу затеял, и разрушил стабильность в Британии, и привел к власти либеральную городскую элиту (не Чубайса ли?), захватившую контроль над СМИ. Сходство еще в том, что Дженкинс и Гайдар очень мало находились у власти, их работу прodelывали другие энтузиасты, которые особо не засветились и не стали козлами отпущения.

– Пора нам идти! – прервал мои рассуждения Чеширский кот и призывно помахал пушистым хвостом.

– Да-да! – вскричал я. – Познать Истину об англичанах – разве это не дерзко? Разве это не придаст нашим жизням новый, глубокий смысл?

– Помнишь «Охоту на Снарка» моего создателя?¹⁴ Хорошая там собралась компания: Балабон, Билетер, Барахольщик, Банкир, отставной козы Барабанщик и кое-кто еще.

Плыли много недель, много дней и ночей,
Нам встречались и рифы, и мели;
Но желанного Снарка, отрады очей,
Созерцать не пришлось нам доселе.

– А что такое Снарк? Или кто это такой? – спросил я.

– Ты хочешь разгадать загадку, не затратив никаких усилий? – сощурился Кот. – Может, ты мне сразу ответишь, что же такое англичане? Так в путь же, друг мой, вперед к Великой Цели, оставим сомнения и малодушие, недостойные джентльменов!

И со свечкой искали они, и с умом,
С упованием и крепкой дубиной,
Понижением акций грозили притом
И пленяли улыбкой невинной...

¹⁴ Легкомысленный старина Кэрролл любил не только Алису Лидделл, но и других девочек, в том числе Гертруду Чатауэй. Если первой он посвятил «Алису», то второй досталась «Охота на Снарка», которую я цитирую в прекрасном переводе Г. Кружкова, он же переводчик и Джона Донна.

Загадки англосаксонской души

- Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?
- А куда ты хочешь попасть? – ответил Кот.
- Мне все равно... – сказала Алиса.
- Тогда все равно куда и идти, – заметил Кот.
- ...Только бы попасть куда-нибудь, – пояснила Алиса.
- Куда-нибудь ты обязательно попадешь, – сказал Кот. – Нужно только достаточно долго идти.

Льюис Кэрролл

Ад или рай?

Но мы не сразу пошли, мы уселись вдвоем с Чеширским котом у искусственного камина. Кот держал в лапе фарфоровое блюдо с изображением розовокаменного готического собора в Честере, главном городе графства Чешир, и прихлебывал оттуда молоко, а я на английский манер сначала наливал молоко в чашечку, а затем добавлял туда крепкий и пахучий «Эрл Грей». Настроение у меня было не только туристское (ведь предстояло утомительное топанье по англичанам), но и академическое – не бродить же по англичанам просто так, без научно-теоретических попыток глубоко проникнуть в их души?

– Нет никакой науки об английском национальном характере! – мяукал Кот, облизываясь. – Все это химера, выдуманная шарлатанами для выбивания зарплаты, грантов и прочего из наивных дураков! И вообще, слишком много развелось разных наук! Зачем они нужны?

– Как это нет науки об англичанах, если существуют англичане? – возражал я. – Представь себе русских без русской идеи, евреев без еврейского вопроса или сердце без кардиологии.

– Ты когда-нибудь пробовал национальный характер на зуб или на ощупь? Молоко в моем блюде прекрасно распознается языком...

О, эти чеширские коты, отравленные английским эмпиризмом! Они долго принохиваются даже к кусочку мяса, подозревая, наверное, что это муляж.

– Но позволь, разве возможно держать в руках понятия вроде «пространства» или «времени»? – возмущался я. – Но ведь они существуют! Или ты, подобно епископу Беркли и модному писателю Пелевину, – заблудший солипсист и считаешь, что мир вокруг нас лишь миф или сон?

Кот в ответ поднял лапу и стал умыть свою неизменную улыбку, намекая на то, что и я – лишь жалкий фантом в его зеленых глазах.

Неужели англичанин и китаец не отличаются друг от друга? Неужели они одинаково воспринимают мир? Почему итальянцы темпераментнее и говорливее англичан? Почему обитатель южных морей или индеец смертельно устает, поговорив с бледнолицым братом час-другой? Чем русский отличается от англичанина?

Чеширский кот лишь загадочно улыбался, а мне хотелось, как положено, индуцировать и дедуцировать, анализировать, обобщать и делать надлежащие выводы.

– Прекрати улыбаться, мне это мешает! – просил я Кота.

– Твой соплеменник, ученый Тимофеев-Ресовский, известный в России как «Зубр», говорил: «Наука – баба веселая и не любит, когда к ней подкатываются с паучьей серьезностью», – поэтому пусть моя Улыбка постоянно напоминает тебе о скуке и тленности твоих рассуждений.

И Кот в подтверждение своих аргументов смачно зевнул; собственно, для этого ему пришлось лишь растянуть улыбку по вертикали. Это обескураживало. И без того весь путь по англичанам и к англичанам был усеян острыми камнями. Это были субъективные суждения талантливых людей и бездарных идиотов, и все они претендовали на исчерпывающую объективность.

Известна притча об одном путешественнике, который въехал в английский городок, выглянул в окошко из своей кареты и увидел рыжеволосого прохожего. Он зевнул, опустил шторы и с тех пор утверждал, что в этом городке живут одни рыжие.

Владимир Набоков пишет об аудиенции у Георга V писателя Корнея Чуковского, который «внезапно, на невероятном своем английском языке, стал добиваться у короля, нравятся ли ему произведения – „дзи воркс“ – Оскара Уайльда. Застенчивый и туповатый король, который Уайльда не читал, да и не понимал, какие слова Чуковский так старательно и мучительно выговаривает, вежливо выслушал его и спросил на французском языке, не намного лучше английского языка собеседника, как ему нравится лондонский туман – „бруар“? Чуковский только понял, что король меняет разговор, и впоследствии с большим торжеством приводил это как пример английского ханжества – замалчивание гения писателя из-за безнравственности его личной жизни».

Наши взгляды на другой народ формируются не только из прочитанных книг, но и под влиянием случайных событий. Турист, попавший в переделку с английскими болельщиками на международном футбольном матче, так и умрет с мыслью, что все англичане фанатичны, злобны и ведут себя как вандалы. Новый русский глубоко убежден, что англичане – жулики, и все потому, что его однажды крупно надули приехавшие в Москву английские бизнесмены; они корчили из себя богатых джентльменов, говорили через губу, образовали фирму, а потом смылись (впоследствии оказалось, что в Англии они неизвестны, просто это были проходимцы, которые хлынули в российское эльдорадо после 1991 года, многие нагрели у нас руки).

Зато выпускница педагогического института, упивавшаяся телесериалом «Сага о Форсайтах», бегавшая в «Иллюзион» на просмотры фильмов с Лоуренсом Оливье и Вивьен Ли и никогда не видевшая живого жителя Британских островов, убеждена, что англичане – глубоко честный, порядочный и воспитанный народ, хотя и среди них попадаются нехорошие люди, вроде Сомса, который тоже не подлец.

А вот красавица-ялтинка, без английского языка, но с маленькой дочкой на руках, вышла замуж за очаровательного англичанина, который вывез ее с дочкой в свой дом в провинции Йоркшир. Насмотревшись сериалов о богатых, которые плачут, она считала, что будет кататься как сыр в масле, а оказалось, что дом маленький и его еще надо выкупить, а хорошие врачи стоят денег и бесплатная медицина требует записи в очередь, иногда за несколько недель. Когда она развелась и вернулась в Ялту, ее представление об англичанах уже потеряло розовые тона: жадные, злые, считающие каждое пенни, склочные, невоспитанные, ставящие детей ниже собак: их собственные создания почти в голом виде валяются в холодной грязной луже, в то время как мамы попыхивают рядом сигареткой и болтают о распродаже в «Вулворте».

Совсем недавно я оказался за праздничным столом с почтенным редактором журнала, который никогда не был в Англии и очень этому рад. Конечно, я удивился: чему тут радоваться? Оказалось, что он Англию на дух не переносит, просто терпеть не может, и поэтому ноги его там не будет! Почему?! Да он просто любит и уважает своего зятя, а тот недавно провел целую неделю в Англии и пришел от нее в ужас. Я пытался возражать, я приводил многочисленные аргументы в пользу Англии, но редактор лишь скептически усмехался: мол, мели, Емеля, твоя неделя! Надеюсь его смягчить, я стал подливать ему виски, он с удовольствием его глотал (видимо, потому, что скотч шотландского, а не английского происхождения

ния), но не сдавался. Я осторожно намекал, что, бесспорно, любимый зять – умница и прекрасный человек, и Англия, конечно, не рай небесный, но ведь все люди могут ошибаться.

Мы расстались врагами: не подав руки, он взглянул на меня как солдат на вошь и всем своим видом дал понять, что я враг России и английский шпион.

Что мой почтенный редактор, если сам Федор Достоевский, всегда ненавидевший, как и большинство русских писателей, «буржуазность» и в 1862 году впервые посетивший Лондон, нарисовал совершенно жуткую картину:

«Говорили мне (не зять ли? – М. Л.), например, что ночью по субботам полмиллиона работников и работниц, с их детьми, разливаются, как море, по всему городу, наиболее группируясь в иных кварталах, и всю ночь до пяти часов празднуют шабаш, то есть наедаются и напиваются, как скоты, на всю неделю... Точно бал устраивается для этих белых негров... ругательства и кровавые потасовки. Все это поскорей торопится напиться до потери сознания... жены не отстают от мужей... дети бегают и ползают между ними».

Как гениально все сгущено! Но изрядная доля истины присутствует, как и в любом пристрастном суждении.¹⁵

Писательница Одетта Кейн застыла около общественного туалета в центре Лондона, пытаюсь вникнуть в суть надписей: «Джентльмены одно пенни. Мужчины бесплатно», «Леди одно пенни. Женщины бесплатно». К мадам даже подошел полисмен и деликатно поинтересовался, имеется ли у нее пенни. Видимо, писательская душа трудилась у входа в туалет так долго, что захлебнулась от любви к англичанам: «вежливые, добрые, обязательные, терпимые, умеренные, сохраняющие самоконтроль, с чувством справедливой игры, жизненно-бывым характером, приятными манерами, спокойствием».¹⁶

Не буду никого осуждать: все мнения о нациях отличаются друг от друга лишь разным уровнем приближенности к Истине (если она существует), эмоции и личные наблюдения всегда, воленс-ноленс, образуют фундамент оценки, несмотря на самую изощренную игру ума.

У англичан всегда хватало ненавистников. Швейцарский ученый Мюро в конце XVII века сравнивал англичан с собаками: «молчаливые, упрямые, ленивые, упорные в драке». Германский поэт Генрих Гейне задыхался от злости, предупреждая против «вероломства и коварных интриг карфагенян Северного моря», «самой противной нации, которую Бог создал в гневе Своем». Уважаемый писатель и шпион Даниель Дефо считал своих соплеменников «расой самых отъявленных негодяев». Наполеон презрительно именовал англичан «нацией лавочников». Наш дорогой Ильич тоже их заклеил (естественно, ненавистную буржуазию, ведь трудящиеся подобны ангелам небесным!): «Везде и всюду они лицемерны, но едва ли где доходит лицемерие до таких размеров и до такой утонченности, как в Англии».

Певец «потерянного поколения» Первой мировой войны английский писатель Ричард Олдингтон написал еще круче: «Добрая старая Англия. Да поразит тебя сифилис, старая сука...» С писателя много не возьмешь, его всегда заносит перо. А вот блестящий дипломат и разведчик Роберт Брюс Локкарт, известный своими хитроумными заговорами против большевиков: «Англичане имеют много достоинств и немного недостатков. Последние включают их любовь к деньгам... Поскольку они считают себя наиболее справедливыми

¹⁵ За век до Ф. М. гордость Альбиона Уильям Блейк в стихотворении «Лондон» тоже написал от души: И страшно мне, когда в ночи От вопля девочки в борделе Слеза невинная горчит И брачные смердят постели.

¹⁶ И я не раз размышлял об англичанах в общественных туалетах, куда мне удавалось проникать. Особенно был приятателен клозет на Пиккадилли, у Грин-парка, в котором был оборудован тайник. Когда я извлекал оттуда агентурное донесение в микропленке, меня отвлекал стих на стене, мораль которого сводилась к тому, что, как ни трясина, все равно последняя капля упадет на колени или, скатившись на пол, образует лужицу, в которой сгниют подошвы. А какая радость заскочить в туалет паба! Пабмен за стойкой даже головы не повернет, это во Франции тут же подлетает угодливый метрдотель и, узнав об истинной причине визита, делает такую каменную физиономию, что хочется выскочить из кафе и все проделать прямо на улице.

и наименее продажными среди других народов, то претендуют или претендовали на божественное право руководить другими расами, известное как „бремя белого человека“».

Отрывок из личного письма агента английской разведки, латыша Силоройса (выкопан в архивах КГБ), который по заданию СИС бился в Прибалтике против советской власти: «На основе своей многолетней работы я пришел к выводу, что англичанину можно верить только тогда, когда он мертв... Англичане все калькулируют, даже риск, к сожалению, за наш счет».

Ужасный народ!

Но гром победы раздавайся! Вереницы и целые армии англофилов, англоманов и просто потерявших голову от Англии намного превосходят число зловердных англофобов и прочих сомнительных типов.

Патриархом англофильства, как ни странно, считается ядовитый Вольтер. Трудно поверить, что из его желчно-ледяных уст вырвалось эмоциональное: «Прокляни меня Бог, но я люблю англичан. Прокляни меня Бог, если я не люблю их больше, чем французов, прокляни меня Бог!» Конечно, великий философ не являлся обожателем английской кухни или английской культуры, он видел в Англии, покончившей с абсолютной монархией, образец для Франции: свобода! власть закона! частная собственность!

Немецкий философ и публицист XVIII века Георг Лихтенберг тоже видел в общественном устройстве Англии образец для подражания и всей душой симпатизировал ее жителям. В Англию был бесконечно влюблен американо-испанский философ и поэт Джордж Сантаяна, написавший в 1922 году «Монологи об Англии»: «Если мы считаем, что главное в них – приверженность к обычаям и условностям, то стоит задать вопрос: как же получилось, что Англия является раем для индивидуальности, эксцентричности, ереси, аномалий, хобби и юмора? Где еще человек сообщит вам с гордым вызовом, что он питается лишь орехами или что он через медиума находится в переписке с сэром Джошуа Рейнольдсом?»

Голландский писатель Ян Бурума выпустил в 1999 году благожелательную книгу об англофильстве – «Англомания», его список выдающихся англоманов охватывает не только Вольтера, но и Гёте и отца итальянского национализма Мадзини. По его мнению, англофилы особенно пышно расцвели после Второй мировой войны, когда многие европейцы, в страхе перед Гитлером, эмигрировали в Англию, однако ныне это племя, вроде профессора Оксфорда Исаяи Берлина, уже вымирает. Правда, Бурума осуждает английскую ксенофобию и «отвратительную привязанность» к своей стране. «Британский миф, – пишет он, – может служить свободе, но он также является осуждением всего иностранного».

Американскому писателю Ральфу Эмерсону в Англии нравилось абсолютно все, причем до слез; американский поэт Огден Нэш считал англичан «самым эксклюзивным клубом» в мире, а английский писатель Дэвид Лоуренс писал: «Англичане, несомненно, самые милые люди, и каждый делает все таким легким для других, что почти невозможно устоять».

– Да что ты все о богеме и о богеме? – встрял Чеширский кот. – Будто нет приличных людей среди тех, кто нас любит! Вот один голландский торговец долгие годы свято хранил и ныне выставляет на обозрение окурки сигары самого Уинстона Черчилля! А знаешь ли ты, что до сих пор французские, голландские и итальянские денди на английский манер щеголяют в синих блейзерах и клубных галстуках? А разве ты сам не натягиваешь на себя пиджак из твида «Харрис»? У нас масса искренних поклонников и почитателей, одних притягивают веджвудские вазы, других – полосатые костюмы, третьих – чиппендейлская мебель. Германский принц фон Пюклер-Маскау был без ума от английских садов, а организатор Олимпийских игр барон де Кубертен уверовал, что английское регби создает мужчину и джентльмена. А вот несчастный кайзер Вильгельм II разрывался на части от любви и ненависти к Англии!

Мой случай.

Ведь я самый настоящий Близнец, мечущийся, как буриданов осел, между двумя охапками сена. Боролся с заклятым врагом, ненавидел жуткий капиталистический строй и в то же время нежно писал о газовых фонарях и белесых аббатствах Лондона, вздыхая:

Я безвозвратно, как радар,
Впитал твоё тепло.
Так любят женщину, когда
Ни горько, ни светло.

И как не любить Лондон! Свободно, и никто не обращает внимания – ходи по Оксфорд-стрит хоть голый, хоть вываленный в смоле с перьями. И обязательно, во всех случаях, при любых обстоятельствах – «thank you!». В какой еще столице к вам, растерянно стоящему с развернутой картой посередине Слоун-сквер, подкатится старушка—божий одуванчик и ласково спросит: «Могу я вам помочь?» Где еще такие великолепные парки со скамейками и газонами, на которые приятно плюхнуться, сжимая в руке бутылку пива «Гиннес»? И добродушно выстаивает длинная очередь, и никто не упрекнет за медлительность («что вы, дядя, чешетесь?»). И английское чувство «справедливой игры»... Справедлива эта «справедливая игра», ох как справедлива!

Недавно подписал договор с английским издателем и только через неделю понял, как он меня, дурака, облапошил! Над чем они хохочут на своем скучнейшем телевидении? Подумаешь, толстяк поскользнулся на банановой корке! Неужели это тонкий английский юмор? А Лондон? Ведь это не только ухоженные дворцы и парки, сделайте пару шагов от Гайд-парка в сторону, выползите на цветной Ноттинг-Хилл, и тут же дохнет убожеством при всем блеске вывесок. А пригородные, слабо освещенные районы с облезшими многоэтажками, похуже наших «спальных»...

Но время проходит, и Лондон темнеет.
И с белой гвоздикой, в костюме вечернем
Сэр Генри смакует свой порт на Пэлл-Мэлле,
А Джон свое пиво в дешевой таверне.

Так и мучаюсь между двумя огнями в поисках таинственного острова!

А может быть, эти черно-белые, серо-буро-малиновые, переливчатые, разбегающиеся тона и есть Истина? Она приближается, и уже вот-вот ухватишь ее за хвост, и на миг кажется, что все или почти все знаешь об Англии. Нет, голубчик, птичка упорхнула, луч солнца не поймать, и ты как был невеждой – так и остался.

Лошадиная Морда или Красная Харя?

В первом приближении все английское население можно грубо разделить по типажам на две категории: длиннолицые и круглолицые.

Первый тип, как пишет почтенный Николас Певзнер, «высокий, с продолговатой головой и удлиненными чертами лица, с неброской внешностью и сдержанной жестикуляцией; другой – круглолицый, более подвижный и активный. Легендарный англичанин с розовыми щеками и потрясающим здоровьем, в свободное время работающий в доме, в саду и гараже, увлекающийся спортом... – это, согласно популярной мифологии, Джон Буль».

Кого-кого, а Джона Буля прекрасно знало все советское население по карикатурам в «Правде», где этот придурковатый низкорослый толстячок в котелке постоянно танцевал под дудку длинноносого и зловещего дядюшки Сэма в цилиндре.

Образ Джона Буля вышел в 1702 году из-под пера писателя Джона Арбетнота:¹⁷ честный, прямолинейный парень с холерическим темпераментом и склонностью набить морду соседу, если тот его достал. Истинный представитель нации лавочников, независимый в суждениях и склонный хорошо поддаться.

Уинстон Черчилль, сыгравший немалую роль в моей карьере, своим бычеватым видом походил на Джона Буля, это, наверное, одна из причин популярности потомка герцога Мальборо («Мальбрук в поход собрался»), которому, по идее, полагалось быть не Красной Харей, а Лошадиной Мордой. Лошадиный типаж отличает и мужа королевы, принца Филиппа, и будущего короля, Чарлза, правда, благородная лошадиность последнего чуть подпорчена оттопыренными ушами и скошенным габсбургским подбородком.

– Хорошо говоришь! – молвил Кот. – Однако какой характер у Лошадиной Морды и какой – у Красной Хари?

– Давай сначала поговорим о факторах, влияющих на характер...

– М-да... – хмыкнул Кот. – Если совершенно не представляешь, что такое английский характер, то самое время покалякать о так называемых факторах. Тут можно нагородить с три короба, но я убежден, что на мой характер влияет только голод. Попробуй не покорми меня с утра, когда я ласково мурлычу, выпрашивая молоко, через минуту я стану свирепым, как тигр. Показать каким? Ведь, как говорила Алиса, «что толку в книжке, если в ней нет ни картинок, ни разговоров»?

¹⁷ «И Арбетнот противен мнеСвоей иронией вдвойне;Ведь я открыл ее значеньеИ первый ввел в употребленье», – начертал ирландец Свифт.

Природа на нем отдыхает?

Идеи о решающем воздействии природных условий на хомо сапиенс долгие века вдохновляли ученых.

Генри Томас Бокль в фундаментальном труде «История цивилизации в Англии», весьма популярном в России в конце XIX века, писал: «Если мы станем рассматривать, какие физические факторы имеют самое могущественное влияние на род человеческий, то найдем, что их можно подвести под четыре главных разряда, а именно: климата, пищи, почвы и общего вида природы».¹⁸

Бокль развивал Гиппократ: «В сильную жару люди бывают нерасположены и до известной степени неспособны к тем деятельным занятиям, которым в более умеренном климате они предавались бы с охотой».

– Лучше бы твой Гиппократ вместе с этим Биноклем делали бы клизмы людям и котам, а не мудрствовали лукаво! – вскричал Кот. – Разве карфагеняне и турки не робкие азиаты? Разве Оттоманская империя и мавры не захватывали целые куски Европы? А кто строил пирамиды Гизы и храмы, вроде Карнакского в древних Фивах, ныне Луксоре? Инопланетяне? Кто строил дворцы в жарком климате Индии и Китая? Неужели эти народы бездеятельны?!¹⁹ А как громили вас, русских, татаро-монголы!

Тут я вспомнил, что и Василий Ключевский объяснял неспособность русских к систематическому труду нашим климатом: мол, крестьянин сеял, пахал и собирал на полную катушку, когда не было дождей, снега и морозов, а остальное время валялся на печи. В этом что-то есть, но не тянет на Абсолютную Истину.

Я не знаю другого народа, который развернул бы столь масштабные добычу ископаемых и строительство в тяжелейших условиях Сибири и Дальнего Севера, куда не помешало бы немного египетской жары. Хотя не из-за нее ли нынешние египтяне живут в развалинах без крыш и на кладбищах даже около Нила? Неужели эти люди в прошлом возводили дворцы и пирамиды? Конечно, климат – это фактор, это цветок в большом букете, а сколько еще в нем цветков...

¹⁸ Славно написал Некрасов: Не все же читать нам Бокля. Не стоит этот Бокль Хорошего бинокля. Купите же бинокль!

¹⁹ Тут мне резонно возразят: – Голуба, да все это строили рабы! Как и у вас Беломоро-Балтийский канал...

Ах, туманы мои, растуманы

Английский климат породил целую литературу, особенно повезло лондонским туманам, смогам и дождям – кто только ими не возмущался!

Началось еще с Тацита, сетовавшего на «частые туманы». Немецкий пастор Вендеборн: «Грязный дым каминов, которым окутан город восемнадцать из двадцати четырех часов». Швейцарец Генрих Мейстер в 1792 году писал, что «дышать свежим воздухом роскошь, которая недоступна в этом благородном городе», а француз Жан-Поль Гросли проклинал «черные дожди», падавшие на Лондон.

Николай Карамзин только и вздыхал по поводу сурового лондонского климата: «Как англичанину не смотреть сентябрем?» или «Я не хотел бы провести жизнь мою в Англии для климата, сырого, мрачного, печального...». Зато советская писательница Мариэтта Шагинян не побоялась исключения из ССП за воспевание природных условий в стране НАТО: «Одна из причин приятности жизни в Лондоне – это его климат, о котором зря говорят, что он будто бы плохой... Зелень и дыхание океанов-морей, со всех сторон омывающих британский остров, озонируют и фильтруют городской воздух».

Должен признаться, что и мы с женой, ожидая дитя, очень боялись ужасных смогов – чем будет дышать наш ребенок? Может, стоит для родов вылететь обратно в Москву и дать ему вдыхать тогда еще сравнительно чистый воздух столицы?

За несколько лет моей жизни и трудовой деятельности в Лондоне туманы случались раз пять, но один я запомнил до гробовой доски. Ужасный черный смог уже с утра не просто повис над городом, а окутал его с головы до ног, движение транспорта остановилось, по улице приходилось идти с вытянутой рукой, словно слепому с палочкой, опасаясь наткнуться на прохожего. А у меня, как назло, ответственная встреча с агентом! Интересно, как в такой мгле будет следить за мной наружка и как я смогу ее увидеть? По-бойцовски сел за руль и с включенными фарами двинулся вперед, но прополз лишь полмили и бросил машину. Нырнул в метро (там пахло горьким туманом), доехал до района явки – дальше попытался топтать ножками, но напоролся на стенку дома и набил себе огромную шишку.²⁰ Какое счастье, что у агента хватило ума не вылезать из дома, иначе в резидентуре ох как сняли бы с меня штаны за срыв ответственной встречи!

Теперь туманы научились предупреждать и разгонять, дождей не уменьшилось, порой дует холодный ветер, но современники не так суровы в оценках английского климата.

– Зато раньше не было таких ужасных бурь и наводнений! – заметил Кот. – И все из-за ваших озоновых дыр и всеобщего потепления! Так заделали всю прекрасную планету со своим пресловутым прогрессом, что ни один, даже самый последний кот уже не в силах этого вынести...

²⁰ С тех пор с головой все и началось!

Как, как, как?!

Проблема не в том, что климат влияет на национальный характер, а в каком направлении происходит это влияние. Многим очень хочется провести прямую линию между причиной и следствием, и мне тоже. И хочется, и колется, и ничего преступного в этом нет. Простенько, но со вкусом.

«В тусклом лондонском климате имеется „граница неточности“, которая порождает чувство компромисса, а резкая смена погоды от солнечного дня к проливному дождю – упорство и упрямство», – пишет Эдуард Баркер в «Характере Англии».

Профессор Николас Певзнер считает, что туманный влажный климат породил, с одной стороны, здравомыслие, умеренность, рациональность, созерцательность и консерватизм, а с другой – воображение, фантазию и иррациональность. У Певзнера много любопытных находок, особенно когда он бредет в крошечном тумане через чащи и поля к национальному характеру, долго толчется на нем, а затем прокрадывается в английские живопись и музыку. «Животные в климате холодном имеют серый, коричневый, черный цвет; тигры и попугаи живут в жарком климате. Так и искусство принимает различные формы в туманах Севера и под ясным, голубым небом... Может быть, тот факт, что Тёрнер и Констебл являются англичанами, имеет с этим что-то общее?»

Может быть. А может быть, и нет.

– Несомненно, на английский климат повлияли зонты! – заметил Кот. – Если бы не зонты, то дождю бы и в голову не пришло лить на землю. Если бы рыбки повиновались Шалтаю-Болтаю, то он не пытался бы их наказать с помощью ватерпаса и штопора. Разве не писал Иосиф Бродский:

Город Лондон прекрасен, особенно в дождь. Ни жесть
для него не преграда, ни кепка и ни корона.
Лишь у тех, кто зонты производит, есть
в этом климате шансы захвата трона.

Другой важный географический момент – ОСТРОВНОЕ положение Англии.

– Быть островом – это прекрасно! – заметил Кот. – Ни одна собака не переплывет Ла-Манш! И поэтому мы, англичане, уверены в себе и своей безопасности! Кто только не мечтал захватить наш Остров! И Наполеон, и Гитлер...

Согласно английскому дипломату и историку Гарольду Никольсону, островное положение сформировало политику «равновесия сил в Европе» и наложило на характер англичан отпечаток «эмпиризма и даже оппортунизма».

– А вот немчура Айвон Блох считает, – вмешался Кот, – что из-за этой проклятой оторванности от Европы у англичан появились эксцентричность и ханжество, ужасная привычка продавать жен, грубость и жестокость.

Kissas, kissas, kissas, как поют игривые испанцы.

У каждого своя географическая напасть: у них блестящая изоляция, а у нас даже после распада СССР необъятность пространства. Наверное, и русское разгильдяйство, и наплевательское отношение к своей земле частично коренятся в этом изобилии (хотя Австралия и Канада по плотности населения уступают нам и, таким образом, «более необъятны»). Сравнительно небольшая густонаселенная территория приучила англичан к рациональности, прагматизму, экономности, бережливости, уж чего-чего, а «широкой русской души» в Англии не сыскать.

– Напрасно ты так думаешь, – заметил Кот. – Только из-за широкой английской души мы и решились на такую глупость, как подводный тоннель через Ла-Манш! И теперь кое-какая сволочь утверждает, что Англия – это континент, хотя всем известно, что мы уникальны и так просто не войдем в Европу. Одно дело жить на континенте, другое дело – в графстве Чешир...

Можно ли вылепить англичанина из русского?

Но хватит о Природе; наверное, не только она влияет на людей, отдадим должное и Любви, благодаря которой мы появляемся на свет англичанами или русскими, с кровью, унаследованной от родителей и их предков.

Так ли это? Проведем эксперимент: русское дитя после появления на свет помещают в коттедж в графстве Чешир. Ему нанимают английскую кормилицу и выдают самые модные лондонские памперсы, из него пытаются вылепить Джентльмена, похожего на Чеширского кота. Так профессор Хиггинс делал леди из цветочницы Элизы Дулитл.

– Из русского даже дворового кота не вылепить! – заорал обидевшийся Кот. – Ваше дитя тут же начнет дико орать, переломает всю мебель, сдерет с себя памперсы, накакает в углу и выдует вместо молока бутылку водки!

– Да ты русофоб! – осадил я наглеца. – Да тебя за такие инвективы я сейчас выброшу на помойку! В конце концов, неизвестно, что хуже: какать по углам или фильтровать ирландцев в лагерях!

Кот, слабо знакомый с основами советской контрпропаганды, замолчал и захлопал глазами.

– За что? За что?! – спросил он стебным голосом булгаковского Бегемота. – Вот и Вупи Голдберг сыграла меня в очередной ленте по «Алисе»! Да разве можно американским актрисам играть уникального Чеширского кота, если они всего лишь кошки? Представь, что я буду играть эту самую Вупи Голдберг, хотя она и симпатичненькая...

Помнится, рыдая от умиления, прочитал я историю девочки-младенца, которую французский этнограф Веллер подобрал у костра, покинутого гуайяками, испугавшимися этнографов. Ученый привез ее в Париж, воспитал, определил в Сорбонну, и она тоже стала интеллектуалом – ничего от гуайяков, кроме внешности, в ней не осталось. Тогда я был увлечен образом женщины, которую самолично превращаю в Друга и Жену (эта иллюзия стоила мне карьеры), и вдохновенно писал о гуайячке:

Читала Монтеня, играла на скрипке.
Бросались пииты к ногам эрудитки,
К ногам троглодитки, лишенной
Дурных троглодитских замашек.
Выходит, нет соли в теории нашей.²¹

Но внешность, жестикуляция, походка неотделимы от национального характера, и все это, скорее всего, результат неких биологических НАЦИОНАЛЬНЫХ ГЕНОВ – они гудят в крови, они стучат в сердце, как пепел Клааса, и переходят из рода в род. Наверное, поэтому английская супружеская пара производит на свет не араба, а англичанина. И так из поколения в поколение, из рода в род, неизбежно и скучно.

С кровью всегда тяжело: она имеет тенденцию смешиваться и перемешиваться, боюсь, что на Альбионе не отыскать чистокровного англичанина. И у нас, как известно, поскреби русского – и наткнешься на татарина.

– И еврея! – перебил Кот, превратившийся из русофоба в антисемита.

²¹ Это из моей нетленки – «Диссертации на темы войны Алой и Белой Роз», написанной за несколько дней до защиты кагэбэвского шедевра. Представляю, как бы меня стащили с кафедры в институте имени товарища Ю. Андропова и отправили на Канатчикову дачу, если бы я вдруг зачитал ее на защите.

– Да если поскрести тебя, то выскребешь только блох! – парировал я в наступательном стиле, хотя Кот даже не видел в глаза живую блоху.

Когда в науку ворвался Зигмунд Фрейд, образовались целые отряды его последователей, начавших изучать «опыт раннего детства» у отдельных народов: протекание беременности, рождение и детство у отсталых племен, уход за младенцами. Американка Маргарет Мид пришла к выводу, что арапешы (есть такое племя!) пассивны, безвольны и склонны к подчинению, поскольку балуют своих детей грудью, а ученый Дюбуа отмечал, что алорийцы подозрительны, неуверенны и безынициативны, так как поздно учат детей ходить.

В двадцатом веке ученые углубились в лабораторные исследования представителей различных народов с анализами крови и мочи, вошли в моду сложные тесты на полиграфе, с применением самых невероятных методик, в моду вошел IQ (Intelligence Quest, тест на интеллект), и его стали обсасывать и дегустировать толпы ученых. Кто умнее – вождь племени мумбо-юмбо или фермер из штата Канзас? Обнаружили, что все-таки мозги больше зависят от окружающей среды и уровня цивилизации, нежели от папы и мамы.

В свое время целую бурю в моей душе вызвал неофрейдист Джеффри Горер, который в конце пятидесятых годов проводил анкетирование 11 000 англичан и пришел к выводу, что за последние 150 лет английский национальный характер не изменился. Произошли лишь чисто внешние подвижки: население, не жившее по законам, стало законопослушным; страна, наслаждавшаяся собачьими боями, травлей медведей и публичными казнями, стала более гуманной; всеобщая коррупция в общественной жизни уступила место высокому уровню честности.²²

Интересны черты англичан, которые, по его мнению, остались неизменными: «неприязнь к контролю и другим формам опеки, любовь к свободе; низкий интерес к сексуальной активности по сравнению с другими соседними обществами; вера в ценности образования, формирующего личность; внимание и деликатность по отношению к другим людям; очень сильная привязанность к браку и институту семьи».

Но бог с ними, с англичанами, Горер попутно осмелился лягнуть Советскую Россию: тугое пеленание младенцев, принятое у русских и у советских, передает детям уважение к власти, особенно сильной, русские, мол, послушны как рабы. Ну и скотина! В своей диссертации, где полагалось быть беспощадным к врагу, я сделал из Горера недожаренный бифштекс с кровью: разве можно назвать послушным народ, свершивший Великую Октябрьскую социалистическую революцию?! Разве не было мятежей Емельки Пугачева, Стеньки Разина и Ивана Болотникова? Разве Саша Ульянов, брат Ильича, не взошел на виселицу ради свободы? Ничего себе – рабы! Никогда, никогда, никогда коммунары не будут рабами!

Тем не менее я посоветовал жене не затягивать пеленками сына, а заодно по-английски не кутать и вообще поменьше обращать на него внимания...

На всякий случай. Вдруг Горер прав?

Особенно меня захватили изыскания профессора Айвона Блоха, который с немецкой педантичностью выводил самоуверенность, эксцентричность, лицемерие и жестокость англичан из таких особенностей нравов (частично сохранившихся), как воспитание детей розгами, мазохистская склонность к порке во время секса или тяга к дефлорации. В те времена в СССР об отклонениях от единственно признанной сексуальной позиции говорили шепотом, поэтому изыскания Блоха я воспринимал исключительно через порнографические линзы, как «Камасутру».

²² Тут из болота моей памяти вылезают сонмы англичан, которые бесстыдно вытягивали из нас деньги, торговались из-за каждого пенса до истерики, хитрили, юлили, готовы были заложить мать родную... Не типично? Но что поделать, если разведка копается в далеком от совершенства, вонливом человеческом материале!

– Во всяком случае, мы, коты, гораздо целомудреннее людей, хотя весьма любим бродить с кошками по чердакам, – вставил Кот. – Но кто видел кота в групповых оргиях? Кто видел кота в жутких перверсиях, присущих человеческой расе?

Итак, биологический детерминизм освежает и вселяет надежду: вдруг какой-нибудь хмырь откроет английский ген? Боже, как это двинет вперед науку о национальном характере – этнопсихологию! Тут же из нее вычленился новая наука, англопсихология, и, уж конечно, меня причислят к ее отцам-основателям. На этом дело не закончится: появятся специалисты по отдельным чертам английского характера, и можно уже сейчас поздравить докторов английского лицемерия и бакалавров английской нелюбви к теории, которые будут работать на кафедре англопсихологии в институте этнопсихологии Академии мировой психологии.

– Старина, тебе не кажется, что ты заболтался? – спросила Улыбка Кота. – Какого диккенса ты все это несешь?²³

Затормозу и скромно промолвлю: на английский характер влияют солнце, воздух и вода, дожди, туманы, гром, пролив Ла-Манш и нечто таинственное в крови, возможно, самое главное, основное составляющее, переходящее из поколения в поколение. Пусть это будут национальные гены. Неужели это все?

²³ Выражение «What the dickens!», означавшее «Какого черта!», всегда приводило меня в восторг. Представьте себе, если бы мы могли говорить: «какого салтыкова-щедрина вы на меня тянете!» или «катись на мандельштама!» Разве не литературный изыск?

Лети, лети, моя история...

А где же социально-политические, экономические, религиозные...

– И подагрические факторы? – вставил охамевший Кот.

Где производственные отношения, в которые вступают люди вместо того, чтобы любить и наслаждаться запахами сирени? Куда делись бесконечные войны, неумолимая, непредсказуемая поступь Истории, от которой трещат человеческие кости? Где честное стремление приумножить и защитить награбленное с помощью государственных и иных институтов? Борьба за власть, борьба классов, борьба маленьких пчелок за выживание?

Эти штучки формируют национальный характер не меньше, чем равнодушная природа, хотя они меняются быстрее и ощутимее для упомянутых костей, это признавали и Гиппократ, и Монтескье, и Гегель, и, конечно же, великий Карл...

– Хватит лезть со своим марксизмом! – прервал меня Кот. – Давай по чести, положи лапу на сердце: каким сделали войны англичанина? Ты ответишь: конечно же, мужественным, агрессивным, патриотичным, предприимчивым и прочая, и прочая. На это я замечу: а почему же совсем не мужественны египтяне, индусы, румыны, итальянцы, которые века провели в кровавых схватках? На мой взгляд, войны выбили у англичан ум и здравый смысл: стоило ли проливать столько шотландской крови и рубить голову Марии Стюарт, если Шотландия преспокойно рулит к полной независимости?

– Ты совершенно прав, если считать Историю произведением Разума, а не Игрой Случайности, если забыть, что в Истории нет ни крохи мозгов. Удивительно слышать это из твоих уст: все-таки твой папашка, Льюис Кэрролл, верил в Абсурд, об этом говорит Улыбка, которую ты постоянно носишь.

Кот надулся от обиды, поскольку не выносил упреков в слабой философской подготовке.

– Если хочешь поговорить об истории, то «расскажи о Лондоне – столице Парижа, о Париже – столице Рима и о Риме – столице Англии», – процитировал он «Алису».

По английской истории следует чуть-чуть прогуляться хотя бы для того, чтобы понять, откуда взялись Лошадиные Морды и Красные Хари.

О, загадки жизни и творчества первых двуногих на Британских островах! Что сказать о мордоротном кочевнике-охотнике, появившемся там среди слонов и мамонтов 250 тысяч лет назад? Много разного вина намешано в бочке, но главную роль сыграли кельты, захватившие остров к 500 году до н. э., чем очень гордятся их потомки – валлийцы, шотландцы и ирландцы.

В 55 году до н. э. и вплоть до четвертого века там хозяйничали римляне, боровшиеся с кельтскими племенами, особенно с могущественными друидами. Вот наблюдения Юлия Цезаря, который своим захватом Британских островов, населенных враждующими племенами, толкнул их население в лоно римской цивилизации (хотя, конечно, любой валлиец яростно поспорит, чья цивилизация была выше): «Население чрезвычайно велико и имеет много скота... Большинство племен не выращивают зерно, а живут на молоке и мясе, носят шкуры. Все британцы красят свои тела вайдой, это придает им синий цвет и ужасный вид в бою».

– Синюшные британцы? Это же кельты! – вставил Кот. – А потом Римская империя полетела в тартарары, набежали англй из Шлезвиг-Гольштейна и саксы, жившие между Эльбой и Рейном. В конце девятого века у нас разрывали друг другу глотки разнообразные саксы, а тут датчане-гады стали угрожать. Что делать? Пришлось объединиться под королем Альфредом Великим. А когда он подох, его сынок Эдуард и внучка сами подчинили Данию, а потом датчане снова нас завоевали...

Сумбурно, но верно. В 1016 году королем стал Канут; Англия оставалась частью скандинавской империи. Интересно, каким тогда был бы предмет моего исследования?

– Какой же, к черту, национальный характер, если еще нет нации! – вскричал Кот голосом тов. Сталина. – Это все равно что говорить о моей улыбке, когда я еще не родился!

В 1066 году произошло роковое событие: на острова высадились войска норманнов под предводительством Вильгельма, герцога Нормандии, разгромившего под Гастингсом саксонскую армию и ставшего королем Англии.

– Эдвин, граф Мерсии, и Моркар, граф Нортумбрии, поддержали Вильгельма Завоевателя, и даже Стиганд, архиепископ Кентерберийский, нашел это благоразумным, – встрял снова Кот. – И вообще, едят ли кошки мошек или едят ли мошки кошек?

Норманны происходили от викингов, поселившихся в Северной Франции с 911 года, они принесли в Англию свой язык, культуру и классовое устройство: лендлорды и крепостные, которые жили на земле владельцев-хозяев, обрабатывали ее и платили оброк. Именно Вильгельм Завоеватель объединил саксонские и другие племена в борьбе с Шотландией и скандинавскими странами, укрепил систему законов и наказывал сопротивлявшихся англосаксов конфискацией их земель, которые он отдавал норманнским баронам – к 1085 году осталось только двое из крупных землевладельцев-англосаксов. Вильгельм инвентаризировал в Англии все земли и собственность в целях сбора налогов, именно при нем в стране устоялось феодальное общество.

Тут замрем и оглядимся вокруг в этом темном лесу.

И дальше национальный характер продолжал коваться в междоусобицах, схватках, войнах, завоеваниях, все перемешивалось как в тигле, переплавлялось, сливалось и расплескивалось,²⁴ характер приобретал агрессивность, твердость, мужество и выдержку.

Жестока поступь английской истории, ее пути не усыпаны розами, если не считать войну Алой и Белой Роз. В кровавых морях и горах трупов в Англии недостатка не было; нам до англичан далеко, наши великие душегубы и государственники Иван Грозный и Петр I лишь малые детишки по сравнению с английскими королями. Правда, Иосиф Виссарионович переплюнул всех.

Равнина. Трубы. Входят двое. Лязг сражения. «Ты кто такой?» – «А сам ты?» — «Я кто такой?» – «Да, ты». – «Мы протестанты». — «А мы католики». – «Ах вот как!» Хряск!
Потом везде валяются останки.

Это из «Двадцати сонетов к Марии Стюарт» Бродского. Все просто, без затей и глубоких социально-экономических, политических и геополитических причин. Так, по Гольбаху, начинал войну монарх, если утром страдал констипацией, как до революции интеллигентно называли запор.

Большинство войн велось на территории Британских островов, зато власть долго была в руках неанглийских королей: Плантагенеты были ярко выраженными французами (они стояли у власти с 1154 по 1485 год – от Генриха II до Ричарда III), пришедшие им на смену Тюдоры – валлийцами, Стюарты – шотландцами, подчинивший их Вильгельм III был голландцем, Георг I происходил из Ганновера. Как у нас Рюриковичи, русские князья, сливавшиеся и разливавшиеся с татарами, как вся послепетровская эпоха.

²⁴ На редкость ужасная картина: огромный дымящийся котел, а в нем кости, pupy, уши, ногти и зубы, и все это кто-то перемешивает гигантской ложкой, словно лапшу.

Но существовали не только войны и произвол Истории со всем переплетением факторов, но и тенденция к устойчивому развитию гражданского общества.

Собственность – это кража!

Несомненно, важнейшее влияние на английский характер оказали ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ и связанные с ней ПРАВА ЛИЧНОСТИ.

Тут английские и русские пути полностью разошлись во времени.

Об этом хорошо думается во время прогулок у Виндзора, особенно после обеда в ресторанчике на берегу Темзы, прямо у моста, соединяющего Виндзор с Итоном. Ноги сами выносят любого любителя демократии на зеленые поля Раннимеда, где в 1215 году собрались наглые бароны и потребовали от короля Джона (у нас его из вечного преклонения перед границей почтительно называют Иоанном) узаконить их права, тогда впервые в английской истории король записал обещание, что «все люди имеют право на справедливость».

Великая хартия вольностей, или Магна Карта, конечно, давала права лишь элите, но все звучало многообещающе: «Ни один свободный человек не будет более посажен в тюрьму, лишен имущества, объявлен вне закона или иначе ущемлен... кроме как по законному суждению равных себе либо по закону страны».

Представляю, как бузили на этих лугах одемокраченные бароны, плескали друг в друга апельсиновым соком, таскали за волосы чужих леди и норовили отдубасить короля. Магна Карта их не успокоила, и они продолжали биться с Джоном, пока он не умер от лихорадки. Воистину человек и целая нация не могут простить оказанные им благодеяния и рано или поздно мстят за это...

– Конечно, тебе, большевику, не по душе наши бароны, – заметил Кот. – Но посмотри на прогресс: уже в 1265 году был созван первый английский парламент, реальная сила, способная противостоять королевской власти...

– Но это был эмбрион демократии. Знаменитый Habeas Corpus Act, охранявший личные права граждан, появился в Англии лишь в 1679 году!

– А разве мы не совершили в 1688 году первую в мире буржуазную революцию?! Разве мы окончательно не утвердили *неприкосновенность частной собственности*, в том числе и на землю, которую разрешалось продавать и покупать? Разве мы не закрепили свободы и другие права личности? – не унимался полемист Кот.

Частная собственность стала основой основ, без которой свобода и демократия могли только витать в воздухе. Как заметил лорд Маколей, «лучше один акр в Мидлсексе, чем княжество в Утопии». Типичная буржуазность! – с насмешкой вскричали бы многие русские интеллигенты, потратившие жизнь на беспощадную борьбу с мещанством и филистерством. И были бы совершенно правы: тут мы с англичанами прошли две разные истории.

«День твой последний приходит, буржуй!»

Великобритания раньше других стран пережила буржуазную революцию, и БУРЖУАЗНОСТЬ не только вылепила НАЦИЮ, но и легла в основу английского национального характера, из этого сочного клубня выросли и прагматизм, и рационализм, и законопослушание, и свободолюбие.

А в России? Кто только не высмеивал базаровых и штольцев, кто только не измывался над ними, «делавшими дело», «всегда довольными собой, своим обедом и женой»! При царе в почете были помещики и дворяне, которые служили Отечеству в армии или в чиновных ведомствах; купцов, предпринимателей, финансистов терпели, но не почитали.

Помните ссылку Ленина на письмо Энгельса Марксу, начертанное 7 октября 1858 года? «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что это САМАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИЗ ВСЕХ НАЦИЙ хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат рядом с буржуазией». Между прочим, Энгельс попал в самую точку: дальнейшее развитие английского общества шло по этой линии, в результате смягчались противоречия между классами, возросла роль государства, охраняющего интересы большинства, и цементирующей силой стал «средний класс».

В Англии никто никогда не отрицал наличие классов и классовую борьбу, которую, правда, понимали по-разному.

Аристократка Нэнси Митфорд писала: «Главный принцип английской социальной жизни состоит в том, что каждый (то есть каждый из тех, кто подошел к входной двери) считает, что он – джентльмен. Отсюда вытекает не менее важный принцип: каждый проводит демаркационную линию у своих пяток». Конечно, сейчас эти линии более размыты, но они существуют, и это выражается отнюдь не только в эксклюзивной жизни королевского двора, в закрытых клубах для истеблишмента и частных школах – чаще всего они невидимы, но от этого не менее четки.

– И чудесно! – сказал Чеширский кот. – Представляю, какой был бы ужас, если бы я вернулся в одной куче с разными Джимами, Васьками, Барсиками, Пушками и прочей рванью! Помнится, один рыжий кот с отгрызленным хвостом пытался качать права по поводу рыбьей кости, которую я лишь потрогал лапой, – разве можно есть такую дрянь вместо «Фрискас»? Чернь физически сильна, но слаба духом, и он уже готов был расцарапать мне морду, если бы не испугался вдруг моей неизменной Улыбки...

Англичанам удалось избежать всеобщего ослепления, когда считают, что кухарка запросто может управлять государством, а «простой человек» может учить великого композитора, как сочинять музыку (при этом композитор, словно попка, постоянно твердит, что все лучшее он черпает в своем народе). Англичане давно усвоили, что равные возможности не имеют ничего общего с всеобщим равенством, равные возможности, кстати, тоже не совсем равные, ибо один появляется на свет в семье банкира, а другой – шахтера, один учится в Итоне, а другой вкалывает с детства. Классы, сословия, гильдии, социальные группы, прослойки (как писал Гёте, «Я, кажется, с ума сойду от этих звонких оборотов! Как будто стадо идиотов талдычит хором ерунду!») для англичан непреложный факт, отсюда вытекает важный принцип: «каждый сверчок должен знать свой шесток».

Джон Бойтон Пристли убежден, что осознание своей принадлежности к определенной социальной группе является частью английскости – так он называет национальный характер, и в то же время указывает, что большинство англичан вряд ли назовут группу или класс, к которому принадлежат.

Возможно, и не назовут, но некоторые с интересом анализируют классовую принадлежность. Например, историк Самуэль Смайлс даже составил список знаменитых имен в доказательство, что талант и гений не составляют исключительной принадлежности какого-нибудь сословия или класса. Так, из дворян и землевладельцев вышли философ Фрэнсис Бэкон, физик и химик Роберт Бойль, физик Генри Кавендиш, философ Купер, поэты Байрон и Шелли, писатели Смоллет, Филдинг, Бульвер-Литтон, полководец Мальборо. Средний класс тоже не подкачал и дал миру поэтов и драматургов Мильтона, Шекспира, Драйдена, Вордсворта и Китса, ученых Ньютона и изобретателя паровой машины Джеймса Уатта, философов Карлейля и Адама Смита, полководцев Кромвеля и Веллингтона и, конечно, писателя и шпиона Даниэля Дефо. А как же рабочий люд? И он сделал свой вклад: оптик Джон Доллонд (ткач), физик и химик Фарадей, драматург Бен Джонсон, религиозный писатель Джон Бэньян (из жестянщиков), известный инженер, строитель каналов Бриндли, строитель первых паровозов Джордж Стеффенсон, великие путешественники капитан Кук и Ливингстон, художник Тёрнер.

– Неужели ты хочешь сказать, что классовая борьба суть движущая сила истории? – заорал Кот. – Опять этот Маркс!

Котов настолько ослепили антикоммунизм и итоги строительства нового общества, что они забывают: классовая борьба появилась задолго до Маркса, она продолжается и сейчас и вряд ли утихнет. Поклонники мадам Тэтчер разорвут меня в клочья, но именно в период ее правления, в 80-е годы, классовые противоречия обострились до предела и вызвали кризис – чего стоит забастовка шахтеров в 1984–1985 годах, подавленная властями, или ликвидация Совета Большого Лондона в 1986 году! Так что не стоит отрицать влияния классовых отношений на национальный характер.

Только пыль, пыль, пыль от шагающих сапог...

Талантливой нации трудно жить на небольшой земле, отнюдь не перенасыщенной полезными ископаемыми, она тянется открывать и осваивать новые земли, сеять там разумное, доброе, вечное и обогащать себя (бесспорно, и за счет туземцев). Естественно, англичане, как и русские, являлись главной движущей силой в строительстве своих империй.

Влияла ли *колониальная экспансия* на английский национальный характер? Еще как! «Колонии принадлежат к числу предприятий древних, изначальных и героических», – писал Фрэнсис Бэкон. Историк Джордж М. Тревельян в своем классическом труде «Социальная история Англии» идет дальше, утверждая, что, несмотря на издержки джингоизма, Англия обычно проявляла миролюбие в отношении колоний и их жители радовались приходу англичан. «Пираты совершали дальние плавания по всем морям и океанам, открывая „далекие острова“ и раскрывая перед своими соотечественниками в Англии новые области надежд и мечтаний», – романтично пишет Тревельян.

Английской колонизации присущи свои особенности: во-первых, до последней трети XVIII века она была в основном мирной, ибо захватывались малозаселенные земли. Во-вторых, связи англичан с местным населением их колоний были минимальны (в отличие, скажем, от испанцев, обожавших насилловать, а потом жениться на индейских дамах). Дух миссионерства вплоть до XIX века вовсе не был присущ англичанам, игнорирующим туземцев и стремившимся к изоляции от них. В-третьих, вплоть до XIX века английское правительство, в противоположность испанскому и португальскому, на деле не принимало никакого участия в основании колоний; вмешательство метрополии в их внутреннюю организацию по праву было всегда ограничено, а на деле равнялось нулю. Главную роль играли английские добровольные общества (в виде религиозных конгрегаций и торговых компаний), именно они, а не государство учреждали поселения в ранних колониях и начали создавать то, что впоследствии стало Империей. И наконец, английские колонисты были в основном земледельцами и ремесленниками, прочно осевшими на чужих землях. Именно поэтому они старались создать нечто новое, не совсем английское, и отождествляли свои интересы с колониями, именно поэтому Британская империя оказалась такой устойчивой. Русский ученый И. В. Вернадский писал о Британской империи: «По своему внутреннему устройству и по характеру своего народа эта страна может легко обойтись без той или другой колонии, из которых ни одна не сплочена с нею в одно целое и каждая живет своей особенной жизнью. Состав британских владений есть скорее агрегат многих политических тел, нежели одна неразрывная целостность. Оторвите каждое из них, и метрополия будет существовать едва ли не с прежней силой». (Кстати, это предсказание сбылось, и после распада империи с Англией ничего страшного не случилось.)

Вплоть до последней трети XIX века английские колонии не воспринимались англичанами как особо значимая ценность. По сути дела, только Дизраэли изобразил создание Империи как романтический подвиг мужества, а не как банальное деловое предприятие. («Империя – это торговля!» – учил Джозеф Чемберлен.)

– Все это очень интересно, но что ты, собственно, хочешь доказать? – осклабился до неимоверности Кот.

Хочу узреть некоторое сходство с русской колонизацией (не забудем навязчивую идею автора) и несколько подретушировать драматизированный миф о море крови, страдающих аборигенах, грабителях-колонизаторах, набивавших себе карманы.

Британская империя распалась под напором национально-освободительного движения, в котором лидирующую роль сыграли личности, получившие образование в Англии. Как глубок смысл тезиса: «Иностранные студенты в Кембридже становятся антиимпериали-

стами, иностранные студенты в МГУ – антисоветчиками». Англичане сами создали Ганди, Неру, Кеньятту, Нкомо, Манделу, Насера, все они сначала учились в Англии и зрели, потом включились в борьбу с англичанами, отсидели свое и были признаны теми же англичанами истинными вождями своих народов. Ныне Англия сама легализовала в качестве своих граждан огромную массу иммигрантов и, наверное, тоже роет себе могилу.

А разве не мы, русские, с помощью КПСС дали ход лидерам нынешних республик, формально членом СНГ?

– Сами во всем виноваты! – резюмировал Кот и принял менторский вид. – Давить этих сволочей было нужно! Давить! Помнишь, как англичане расправились с восставшими сипаями? И зарубить на носу: глупо плодить национальную интеллигенцию, это все равно что рубить сук, на котором спасаешься от собаки! Особенно вонливое дерьмо течет из педагогических вузов и литературных институтов, уж они обязательно отплатят за благодеяния подрывной деятельностью и борьбой за независимость, что и в голову не приходит простому виноградарю или пастуху!

Осмелюсь заявить, что колониальная экспансия с доктриной о «бремени белого человека» стимулировала в англичанах национальную гордость, предприимчивость, мужество, патриотизм, и иного быть не могло, если не представлять Поступь Истории как родник с ключевой водой.

Ох уж этот опиум для народа!

Неужели это все? А разве религия не оказывает влияния на национальный характер? Христианство проникало в Англию в последние годы существования Римской империи, но уже при Вильгельме Завоевателе появились тенденции к подчинению церкви английской короне. Эту революцию в период Реформации, в 1533 году, совершил специалист по отрубанию голов у своих обольстительных любовниц и жен, король Генрих VIII, который попросту послал подальше Папу Римского, назначил себя главою церкви, стал преследовать верных Риму католиков, «чистить» и закрывать монастыри. Это не мешало энергичному Генриху ненавидеть всей душой Лютера и еще суровее, чем католиков, карать протестантов всех мастей (другие короли с не меньшей рьяностью казнили потом пуритан).

Англиканская церковь, сохранив некоторые элементы католицизма, вобрала в себя кое-что из протестантских учений и постепенно отказалась от разных ритуалов вроде исповеди, соблюдения поста и прочих атрибутов католической религии. Она изрядное время прошагала рука об руку с королевской властью, опиравшейся на парламент и другие демократические институты, и влияла на характер англичан в сторону бóльших свободы, терпимости, законопослушания. Но главное: церковь «своя», английская, независимая от Рима; это укрепляло самодостаточность и самоуверенность англичан. Англиканская церковь охватывает три пятых населения страны, 6 млн составляют католики, далее идут методисты, баптисты, унитаристы, конгрегационалисты и другие протестанты, около 600 000 составляют мусульмане и 350 000 исповедуют иудейскую религию.

– А ты расскажи, как чуть не стал англиканом! – подзадорил меня Кот.

Было дело. Совсем недавно меня, как доброго самаритянина, пригласили поучаствовать в благотворительной акции по реставрации церкви XII века в деревушке Саррат: вместе с другими авторами написать об этом райском месте «шпионский» рассказик, который будет издан, распродан, и вырученные деньги пойдут на ремонт церковной крыши.

Предложение поразило меня английской предприимчивостью, ничего подобного не приходит в голову нашим реставраторам, которые предпочитают выклянчивать деньги у государства и новых русских. Я написал рассказ и при первой okazji двинулся в Саррат, где был обласкан местной знатью, проведен и сфотографирован в двух живописных деревенских пабах, оставлен на ночь в имении с крокетной площадкой, небольшим бассейном с деревянной крышей, сауной, огородом, скульптурами и цветными фонариками во дворе. Два внушительных сенбернара вырывались на прилегавшие зеленые поля с ухоженными, словно придворные леди, овцами и коровами – сердце плавилось от этих буколических картинок, и который раз я подумал, как одинаковы сельские пейзажи в Англии и России (если жадно не глядеть на дорогу в стороне от веселых подруг).

Утром в воскресенье я, естественно, направился в церковь, на крышу которой потратил пыл художественной части своей богатой души. Прихожане были одеты неформально, но прилично, дырявых джинсов и рубашек с павлинами я не заметил. Священник мило и деловито пожал мне руку, поблагодарил за участие в благотворительной акции и пропустил меня, православного, в англиканские святыни.²⁵ Все чинно сидели (имелись и специальные подпорки для коленопреклонения – падать на колени прямо на пол леди и джентльмены считают некомфортным), при входе каждому вручили томик псалмов, на стене висела большая таблица с указанием очередности их исполнения и соответствующей страницы, священник руководил службой и иногда просил встать. Больше всего меня поразила легкость и

²⁵ Тут же припомнилась английская эпиграмма: «– Мой сын, смирению учитеесь у овец!.. – Боюсь, что стричь меня вы будете, отец!»

непосредственность проповеди. Священник импровизировал: завел речь о недавней грозе, валившей деревья и ломавшей кусты, о том, как он стоял в окне и смотрел на сосну, не сгибавшуюся под ударами ветра. Ее непоколебимая неподвижность наводила на глубокие мысли: таков и должен быть верующий, испытывающий удары судьбы. Священник не потрясал пальцем, не завывал и не призывал, он говорил искренне и, словно конферансье, отпускал милые шутки, вызывавшие добрую реакцию зала. Когда он проходил мимо прихожан, шалуны-мальчишки стали дергать его за свисающие кисти пояса (на месте священника я тут же врезал бы им по лбу), но он добродушно потрепал их по головкам и с улыбкой прошел мимо.

В конце службы все встали и стали пожимать друг другу руки со словами «Мир вам!», а после службы, продолжавшейся ровно час, в церковном дворике состоялось чаепитие с кексами, и все оживленно щебетали.

Поразительна раскрепощенность, царящая в англиканской церквушке, где нет гнетущей торжественности католического храма или бесконечных приставаний и нравучений, которые слишком часто встречаются в православной церкви со стороны некоторых менторов-священников и вездесущих злых старух-прихожанок.

– Хорош христианин! – заметил Кот. – Тебе не в церковь нужно ходить, а в расстрельные подвалы Лубянки. Бедные, несчастные старушки его, видите ли, раздражают! Отвалил бы им не одну копейку, а один доллар – и они бы тоже стали добренькими...

Многие в Англии считают, что Бог был англичанином. Существует даже легенда, как Иисус еще мальчиком посетил Англию, а потом один из святых, вызволивший у Понтия Пилата тело Христа, привез туда кусочки его тернового венца. В 1559 году епископ Лондонский провозгласил, что Бог – англичанин, и призвал соотечественников семь раз в день благодарить Бога, что они родились англичанами, а не итальянцами, французами или немцами.

Триумф протестантизма в Англии был национальным триумфом, отождествление Реформации с «английскостью» еще больше усилило сплочение нации и ее патриотизм.

В XIX веке с ростом английского могущества распространилось мнение, что англичане – это избранная нация, как древние иудеи. Эмануэль Сведенборг, учеником которого считал себя великий художник и поэт Уильям Блейк, утверждал, что благодаря своему гению англичане имеют собственное Небо, куда отбывают после смерти. Веллингтон, разгромив Наполеона при Ватерлоо, заявил: «Нас благословила рука Божья!»

Миссионерская деятельность в колониях расцвела в XIX веке и далеко не всех приводила в восхищение. «Англиканские священники и епископы горды и богаты, они живут в процветающих приходах, из их совершенно не потревоженной совести сочится жир... Это религия богатых, они этого не скрывают... Они путешествуют по всему миру, проникают в Черную Африку ради приобщения к своей вере одного дикаря, забыв о миллионах дикарей в Лондоне, которым нечем платить». Это из «Зимних заметок о летних впечатлениях» возмущенного Федора Михайловича.

Конечно, в нынешние времена роль церкви серьезно упала, но для среднего неискушенного англичанина она все же является важным моральным авторитетом, англиканскую церковь, помимо всего прочего, ценят за прагматизм, комфортность и ненавязчивость. Англичане посещают церковь по желанию (или вообще не посещают), обычны суровый аскетизм церковного интерьера и минимум обрядов, никто не верит, как в России и некоторых других странах, что Церковь создана для защиты угнетенных и бедных. Даже во времена визита в Лондон Достоевского посещаемость церкви в Восточном и Южном Лондоне, где жили малоимущие, была самой низкой по стране.

Тем не менее ежедневно до 2.30 после полудня в Вестминстерском дворце появляется процессия, и полицейские с криками «Посторонним снять шапки!» снимают шлемы и обнажают головы. Во главе шагает мужчина в забавных гетрах, за ним отставной генерал с золо-

той булавой, затем спикер палаты общин в черно-золотом одеянии, и всю процессию завершает не кто-нибудь, а священник спикера.

С каждым годом англиканская церковь дает все больше послаблений для верующих, хотя это далеко не всех устраивает.

– Да распустились они все! – заметил Кот. – Пошли на поводу у разных хиппи. Как тебе понравится обсуждение статьи либерально настроенного епископа Эдинбургского «Прелюбодеяние может не быть аморальным»?! Одно название чего стоит! Но нашлись строгие священники и ответили этому развратнику: «Епископ Эдинбургский одобрил бы поведение молодых людей в наших приходах. Каждый уик-энд они прелюбодействуют у церкви, а иногда даже на ее крыше. Вызывает умиление мысль о том, что мы должны занимать более терпимую позицию. Единственный недостаток этой идеи состоит в том, что она неприемлема для жильцов в прилегающих домах. Их не радует, что в этот уик-энд мальцы сожгли сарай, где хранились палатки; нашему уборщику не очень по душе убирать навал пустых пивных бутылок, картонок, остатков пищи и презервативов». Однако, как пишет епископ, «многие молодые люди занимаются сексом когда хотят, словно пьют кофе или съедают гамбургер». Представляю, если бы ты занимался этим в моем доме (Кот, естественно, считал себя хозяином моей квартиры).

А сколько еще на свете существует факторов, формирующих национальный характер! Звезды, которые вечно и презрительно смотрят на нас с небес, кусты роз у окна, Би-би-си. Если один человек каждое утро ест овсянку, а другой жареную яичницу с беконом, то и характеры их будут отличны друг от друга. А возможно ли сложить все это в один национальный характер?

Джон Бойтон Пристли в своих великолепных книгах об англичанах уходит в бездны пленительной мистики, которую невозможно ни доказать, ни опровергнуть: доминанта, определяющая национальный характер, – это неясная граница между рациональным и иррациональным, то есть, если угодно, между умом и сердцем. Это выражается в том, что англичане больше полагаются на инстинкт и на интуицию, чем другие европейцы. Так ли это? Ведь мы склонны видеть в англичанах холодный расчет, здравый смысл, все что угодно, но только не движения души. Сходную мысль ранее развивал американец Сантаяна, утверждая, что англичанина определяет «внутренняя атмосфера», своего рода погода внутри его души, которая дает моральные оценки происходящему вокруг. Сила английского характера в иррациональности, и тут бессильны логика и скучная инвентаризация факторов или особенностей.

Проклятые иммигранты!

Но сравнительно недавно появилась новая напасть, она, словно коршун, начала зловеще кружить над Англией, разрушая понятие прославленной английскости. Начиналось все тихо и спокойно, тогда и в голову не могло прийти, что темные и цветные физиономии заполнят не только космополитический Сохо, но и освященную традициями Трафальгарскую площадь и даже такое сугубо английское место, как Сити. И не в качестве приятных гостей – пожил и сделал ручкой! – а полноправных (!!!) граждан Соединенного Королевства. Станут членами парламента, дипломатами, а в будущем и премьер-министрами...

Начиналось с одиночек, потом заструился тонкий ручеек. В XIX–XX веках в «приют свободы» потянулись вереницы недовольных из других стран, все они просили политического убежища и укрывались от преследования со стороны своих правительств. Особенно возлюбили Лондон революционеры и прочие радикалы. Итальянские борцы за свободу Мадзини и Гарибальди сколачивали там отряды единомышленников, Александр Герцен бил в «Колокол», сурово обличая царский режим, Карл Маркс писал свои фолианты и создавал вместе с Фридрихом Энгельсом флагман пролетариата – Интернационал. Там неистовствовал Бакунин, бежавший с царской каторги, бродили романтический анархист Кропоткин, «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская, честный народник Ткачев, кровавый террорист Нечаев и прочая свободная публика. Страну почтили своим присутствием Ленин, отмечавший потом снисходительно, что, пожалуй, «Англия самая свободная страна в Европе», но не забывавший добавить, что законность и социальный мир в Англии суть «результат спячки английского пролетариата». На съезд РСДРП однажды прибыл тогда незаметный «симпатичный грузин» Коба, там вынашивал теракты по изъятию денег у буржуазии Н. Красин – всех революционеров не перечесать.

Не стоит умиляться по поводу английского гостеприимства: оно всегда объяснялось не только любовью к свободе, но и практицизмом и здравым смыслом. Почему бы не иметь под рукой живой эмигрантский источник, порой более информированный о положении за кордоном, чем Форин Офис или разведка? Почему бы не иметь в рукаве карту, которую можно разыграть во время припадков любви или ненависти?

Тем паче что у Англии, как известно всем просвещенным джентльменам мира, не существует постоянных друзей и врагов – постоянны лишь национальные интересы. Пусть поворчит милый русский царь Ники по поводу лондонских козней революционеров (угробивших, между прочим, его предка, освободителя крестьян Александра II, и множество видных сановников), пусть поворчит! Хоть он и родственник британской короне, но ведь существуют материи и повыше: Закон, Свобода, Демократия.

На самом деле Великобритании не мешали Маркс, Ленин, террористы и прочие, они мешали ее врагам или друзьям, а это уже совсем другой коленкор. Ведь никому не приходило в голову предоставлять политическое убежище врагам трона и истеблишмента или борцам за независимость английских колоний (становление многих будущих гробовщиков Британской империи проходило в английских колледжах и университетах, но тогда они еще не оперились и не вымахали во врагов короны).

– Не намекаешь ли ты, что Англии было выгодно держать у себя революционеров? – возмутился Кот.

Это ясно и без намеков, мой прекрасный, мой великолепный Кот, но зловредная мысль терзает меня: за «приют свободы», выгодной в тот момент для Англии, пришлось заплатить впоследствии высокую цену: ручеек иммиграции вырос в мощный поток.

Процесс этот пошел по нарастающей после распада Британской империи, в Англию потянулись ее дети: индусы, негры с Ямайки, жители бывших английских колоний в Цен-

тральной Америке, Африке и Азии, а заодно китайцы, вьетнамцы... За Империю надо платить по счетам: и вот ее подданные перемещаются из нищих хижин, из своего туберкулеза и голода в скромное жилище с водопроводом и канализацией недалеко от центра Лондона (а разве в России мало выходцев из бывших республик?).

Английское правительство не сидело сложа руки и пыталось усложнить и ограничить въезд, но дудки! Иммигранты просачивались через многие фильтры, да и как серьезно ограничить их приток, если во главе Империи-Содружества стоит сама Ее Величество королева?

Медленно и верно Англия и особенно Лондон «желтели» и «чернели», а в некоторых районах англичане уже серьезно уступают по численности другим национальностям. В 1998 году белые дети составляли меньшинство в местных средних школах во «внутреннем Лондоне» (по идее, самом что ни на есть английском), а в пригородах их число не превышало 60 %. Более трети учащихся в упомянутых школах «внутреннего Лондона» не считают английский своим родным языком. В 1951 году число иммигрантов из Южной Азии и Карибского бассейна составляло 80 тысяч, сейчас их число достигло 3 миллионов, причем основная масса живет в Лондоне и других крупных городах Англии (не Шотландии и не Уэльса!). В районе Лондона Спитлфилдз 60 % составляют жители Бангладеш, в некоторых частях Бредфорда 50 % – пакистанцы, район Норткорт в лондонском пригороде Илинг на 90 % заполнен «небелыми».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Темный британец считает себя ничуть не хуже (а даже лучше) истинного англосакса, предки которого шумели на Ганнимедских лугах, провозглашая Великую хартию вольностей.

Новая реальность.

Требуется время, чтобы ее понять и прочувствовать (или погибнуть тихо и незаметно, так ничего и не поняв), – ведь исторический намек на будущее входит в жизнь деликатно, лишь обозначая тенденцию, он не прогнозирует жестко грядущее. Собственно, таковой была «оттепель» в СССР, которую в то время никто не рассматривал как первичный этап развала великого Советского Союза.

– Вот тут я с тобой целиком согласен! – заметил Кот. – Я бы пошел еще дальше и считал английскими гражданами лишь тех, кто родился в Чешире! Ты читал о забавной истории, которую рассказывает Джереми Паксман в монографии об англичанах? В 1987 году в палату общин впервые в истории Англии от округа Тотенхэм прошел чернокожий, Берни Грант, ранее телефонист и активный профсоюзник. Представь состояние истинных тори, когда новоизбранный депутат появился в зале в национальном костюме жителя Западной Африки! На приеме в Букингемском дворце герцог Эдинбургский, пожимая ему руку, спросил в рассеянно-светской манере: «Кто вы?» – «Берни Грант, член парламента», – последовал ответ. «А из какой страны?» – осведомился герцог. Откуда было знать мужу королевы, что уже в то время 6 % населения Британских островов составляли «небелые»? А ведь они рождены с комплексом неполноценности, они прекрасно чувствуют, что, несмотря на вежливые улыбки, их не признают за «своих» – отсюда поддержка других иммигрантов в борьбе против настоящих леди и джентльменов. Вот и Берни Грант, называя себя британцем, объяснял, что «Британия включает в себя другие угнетенные народы – шотландцев и валлийцев. У меня не повернулся бы язык назвать себя англичанином».

До сих пор многие англичане считают, что допуск иммигрантов из колоний на территорию Англии являлся ошибкой, отношение к иммигрантам на бытовом уровне оставляет желать лучшего, и в этом жестокость и нетерпимость англичан, которые проявляются, если наступить им на хвост.

– А что же ты хочешь? – заметил Чеширский кот. – Если каждый козел будет наступать на хвост, то даже самый миролюбивый кот не выдержит такого издевательства и выпустит когти! Обстоятельства превращают одни черты национального характера в прямо противо-

положные, это и есть диалектика, которой ты пренебрегал в институте, гоняясь за ветренными юбками...

Истины ради отметим, что межрасовые отношения в Англии до сих пор не принимали обостренных форм, более того, по опросам 1998 года, большинство иммигрантов чувствуют себя весьма комфортно, да и бледнолицые братья ворчат, но терпят. В этом есть и резон: иммигрантов используют на трудной и непрестижной работе, это хорошо заметно в английских отелях, где почти нет белых уборщиц и уборщиков! И садовники все попадают из южных стран...

Правда, в мечте паупера – шикарном отеле «Риц», что на Пиккадилли, по которой идешь, замедляя шаг, в серой шляпе набекрень, в старинном зале для белых рыцарей ордена Подвязки вяло жует фаршированную индейку чернопородный ямайский негр, а официант, пожилой лондонец, похожий на утомленного министра обороны, учтиво обращается к нему «сэр».

Неужели англичане переплавятся в этом бурлящем межрасовом тигле?

– Ерунда, мы, коты, в нем не переплавимся! – вскричал мой чеширский джентльмен. – Все равно у нас останутся вечные улыбки и пушистые хвосты.

Дай бог, но вот в Германии, например, иммигранту следует прожить 15 лет, чтобы попросить гражданства. А из этой необъятной бывшей Британской империи столько накапало... К тому же я по старинке считаю, что каждый должен постоянно жить в стране, где родился и рос. По возможности, конечно. Если не подыхаешь с голоду. И если не откручивают голову. Вот такой я плохой, и это еще не самые худшие мысли. Еще полезно уничтожить все автомобили, жить в лесу, как герой Генри Торо, больше наслаждаться шумящей листвой и голубыми озерами, жареными шашлыками и густым «Каберне Совиньон», читать Ахмадулину и Джона Донна в оригинале, ходить в Геликон-оперу, а не делать деньги с утра до поздней ночи и не возиться с недвижимостью, которую все равно прогуляют потомки.

Наконец-то на горизонте появились туманные очертания национального характера.

– Давно пора! – промяукала Улыбка Кота. – Хватит забивать мозги честным животным!

«Правь, Британия...»

И гремит национальный гимн, ключом бьют НАЦИОНАЛЬНАЯ ГОРДОСТЬ, ПАТРИОТИЗМ, или ШОВИНИЗМ, или как вам угодно это назвать.

Малая Оксфордская энциклопедия: «Национальный характер англичан описывается по-разному, но большинство авторов едины по поводу одной его черты: бессмысленное самоудовлетворение, безмятежное чувство превосходства или островная гордость. Английский патриотизм основан на глубоком чувстве безопасности. Англичане как индивидуумы могут испытывать нервозность из-за угрозы потерять работу, они бывают не уверены в себе или по-разному несчастливы; однако как нации им веками была обеспечена безопасность, и они уверены в своих национальных достижениях. Они не жили в состоянии ненависти к своим соседям, как зачастую французы или немцы. Их чувство национальной безопасности вряд ли поколебали испанская Армада, Наполеон или Первая мировая война, но оно было серьезно ослаблено Второй мировой войной и изобретением атомной бомбы».

Патриотизм и национальная гордость англичан основаны не на песке.

– Ты обо всем, обо всем расскажи! – жарко заговорил Кот голосом агитатора-горлана-главаря. – Кто в 1780 году впервые усовершенствовал паровую машину и поставил ее на вооружение английской индустрии? Джеймс Уатт! Кто открыл закон притяжения? Айзек, он же Исаак Ньютон! Кто отец электричества? Майкл Фарадей! Кто прародитель современной химии? Роберт Бойль! Кто заложил основы ядерных наук? Лорд Резерфорд! Кто открыл циркуляцию крови? Уильям Харви! Кто...

Я и сам знал, что при желании заслуги нации можно превратить в фейерверк (разве СССР не родина слонов?): сэр Фрэнк Уиттл создал в 1941 году реактивный мотор, а в 1958 году английский реактивный самолет впервые в мире совершил трансатлантический перелет...

– Осторожней! Не захлебнись от пафоса, англофил! – услышал я возмущенный глас. – А то вызовем тебя на ковер и проработаем на полную катушку!

Это явно был не Чеширский кот – он равнодушно улыбался, похлопывая зелеными глазами, – а, видимо, какой-то призрак с неба из числа моих бывших начальников, руководивших шпионской работой против Англии (сам попаду в их число и тогда начну выпускать сверху отравленные дартсы в англофилов).

Империю создавали смелые, несущие «бремя белых», амбициозные люди, они строили ее с помощью передовой технологии, сильной армии и политических интриг. Это были не только аристократы в пробковых шлемах и френчах цвета хаки, бремя это нес и простой англичанин, вроде киплингковского Томми Аткинса:

Солдат – такой, солдат – сякой,
Но он свой помнит долг,
И, если пули засвистят, в огонь уходит полк...

Как говорил алмазный король и душа колониальной политики в Африке Сесил Родс, в честь которого была названа Родезия (ныне Замбия и Ботсвана), «родиться англичанином равнозначно выигрышу по лотерейному билету». И далее: «Мы оказались самым лучшим народом на планете, с высочайшими идеалами порядочности, справедливости, свободы и мира».

Совсем не человек власти, а свободомыслящий интеллигент Джон Раскин писал в 1870 году: «Мы являемся расой, менее всех других подверженной дегенерации, замешанной на северной крови. Англия должна победить или погибнуть; ее энергичные и достойнейшие

люди должны создавать колонии как можно быстрее... их главной целью должно быть расширение владычества Англии на суше и на море». Неслучайно королева Виктория напутствовала свою дочь перед брачной ночью: «Закрой глаза и думай об Англии!» Бедная дочка! Зато нация может гордиться такими девами.

Индия, Австралия, Северная и Южная Америки, Китай, Ближний и Средний Восток – где только не развевался британский флаг! В начале XX века под владычеством Британской империи находилось 20 % территории всей нашей планеты с населением в 400 млн человек!

Как же это могло не отпечататься на английском характере?! Как же им не возгордиться? Не задрать нос?

– А разве организованный туризм не плод деяний Томаса Кука? – промяукал Кот. – А сэндвич, черт возьми! Придумал его лорд и отчаянный картежник Монтэгю Сэндвич, просяживавший дни и ночи за ломберным столом и не располагавший временем на перекусывание. Вот он и придумал бутерброды, которыми закусывал во время картежных баталий. Первое в мире метро появилось в Лондоне в 1863 году, первый поезд, проходивший по тоннелю под Темзой, состоял из 23 вагончиков без крыши и управлялся паровозом, изобретенным англичанином Стефенсоном. Пылесос тоже был изобретен английским инженером, Хубертом Бутом, страдавшим от аллергии, когда в доме начинали выколачивать пыль из мягкой мебели. Перед коронацией Эдуарда VII инженер почистил ему пылесосом церемониальный ковер, за что получил уйму деньжищ, но на радостях не пропил их (как сделал бы любой мало-мальски уважающий себя русский), а основал крупную компанию по производству пылесосов.

Кот захлебнулся от монолога, но действительно англичане – молодцы. Придумали брачные объявления, впервые появившиеся в газете «Таймс» в 1895 году. Пионером этого движения холостяков стал судейский чиновник Батлер, написавший: «Буду рад сочетаться браком со скромной особой 18–25 лет, желательна сиротой». По закону бутерброда, то бишь сэндвича, ему досталась стервозная девка, которая рожала каждый год до тех пор, пока, узнав о грядущем шестом наследнике, счастливый муж не повесился на собственном галстуке, по-английски ни с кем не попрощавшись. Правда, в назидание человечеству он оставил записку: «Истинные браки совершаются на небесах».

Даже слово «хулиган» произошло от мистера Хулигана, который любил бесчинствовать в Лондоне в конце XIX века; первая современная гостиница в мире – это «Савой» на лондонском Стрэнде: с электрическим светом, шестью лифтами и 70 ванными. Англичане вроде бы изобрели рождественские открытки, бойскаутов, почтовые марки, современное страхование и детективные романы.

– Ты, дорогой мой, совершенно забыл о Твигги! – промяукал Кот.

– Это еще что такое?

– Во-первых, это не «что», а «кто», во-вторых, Твигги – очаровательная манекенщица. Именно она впервые в мире продемонстрировала мини-юбку, а это поважнее какого-то паровоза!

Черт возьми, в Англии даже коты отчаянные патриоты.

Великий Сомерсет Моэм не поспешил на чувства: «Я попытался проанализировать, из чего складывается мой патриотизм. Для меня много значат сами очертания Англии на карте, они вызывают в моей памяти множество впечатлений – белые скалы Дувра и изжелта-рыжее море, прелестные извилистые тропки на холмах Кента и Сассекса, собор Святого Павла, Темзу ниже Лондонского моста; обрывки стихов, благородную оду Коллинза, „Школяра-цыгана“ Мэтью Арнольда, „Соловья“ Китса, отдельные строки Шекспира, страницы английской истории – Дрейка с его кораблями, Генриха VIII и королеву Елизавету; Тома Джонса и доктора Джонсона; и всех моих друзей, и афиши на вокзале Виктория; и еще какое-то смутное ощущение величия, мощи, преэминентности, ну и еще, бог весть почему, вид

челна, на всех парусах пересекающего Ла-Манш, – „Куда ты, красавец-корабль, на белых летишь парусах“, – покуда заходящее солнце, алея, закатывается за горизонт. Из этих и многих подобных им ощущений и соткано чувство, благодаря которому жертвовать собой не в тягость, оно состоит из гордости, тоски и любви, однако смирения в нем больше, чем высокомерия, и юмор ему не противопоказан».

Прекрасно сказано, несмотря на избыточность литературных аллюзий и некоторую стереотипность, вроде белых (седых, гордых, холодных, ненужное зачеркнуть) скал Дувра. Русские писатели тоже умели воспеть патриотизм нашего народа, он ничем не отличается от английского и также бывал разным по накалу.

Только на ослепительном фоне дифирамбов английскому патриотизму можно представить, какой удар нанесен по Великобритании в XX веке! Рухнула огромная империя, бывшая «владычица морей», и «мастерская мира» идет в фарватере у Соединенных Штатов, ее бывшей колонии, медленно вытягивая ножки по одежке и превращаясь в подобие Бельгии или Чехии... Неумолим ход истории, и «троянского коня в Европе» (таковой считал Великобританию генерал де Голль) затягивает Европейское сообщество, несмотря на упрямое размахивание руками и возмущенные крики.

Поставлен крест на ВЕЛИЧИИ, а расставаться с ним больно, почти невозможно, но неизбежно. Однако болезненная сдача позиций не проходит без резких движений, из общего мирного правила имеются и пахнувшие порохом исключения: лишь только вздумала Аргентина по-большевистски отобрать у англичан их колонию Фолклендские острова, как получила сокрушительный удар. Вся нация сплотилась вокруг «железной леди», мадам Тэтчер, на полную мощь разыграли патриотизм и вера в величие страны, и ни один либерал не пикнул в защиту «прав человека» или «права нации на самоопределение». А вот Гонконг вернули Китаю даже с помпой, хотя могли бы и тут заартачиться, если бы Китай был Аргентиной.

Колониальные потери огромны, не меньше, а больше, чем у русских. Англичане уже давно пришли туда, куда мы медленно бредем с мыслью о Великой России, единой и неделимой. И живут себе совсем неплохо в ином статусе. Тут нам, российским страдальцам, стоит почесать голову и призадуматься: может, наша нынешняя участь не так уж катастрофична?²⁶

Из той же уважаемой «Малой Оксфордской энциклопедии»:

«Существует контраст, с одной стороны, между единством, которое англичане проявляют во времена кризиса, их сильной тягой к общественному порядку, даже к конформизму, и, с другой стороны, их необыкновенной терпимостью к эксцентричности индивидуумов. Немцы обычно изумлены и считают это английским неуважением к властям и дисциплине».

Опять сходство с русскими... Правда, лишь с одной стороны. Что же касается терпимости, то, боюсь, наша тяжелая история с разномастными диктаторами и диктатурами приучила нас к единомыслию.

²⁶ Еще Федор Достоевский, живший во времена расцвета Российской империи, писал в 1873 году в «Дневнике писателя»: «Мы покамест всего только лепимся на нашей высоте великой державы, стараясь изо всех сил, чтобы не так скоро заметили это соседи. В этом нам чрезвычайно может помочь всеобщее европейское невежество во всем, что касается России». Лепимся. Но вылепились ли? Ведь в великой державе должны жить обеспеченные, счастливые граждане. Или это не так?

Все они собаки!

– И все равно мы лучше и умнее всех! – гордо промолвил Кот и облизнулся от самодовольства. – Что такое американцы? Хамоватые парни, говорящие на искореженном английском языке, неотесанные выскочки, помешанные на деньгах! Откуда у них могут быть традиции и культура? Лишь то, что оставила мамаша Великобритания, и то они ухитрились уже все растерять! И юмор им не снился, не зря Бернард Шоу говорил: «Боюсь ехать в Америку... Ирония – моя стихия, однако при виде статуи Свободы даже я теряю чувство юмора». Боже, а как ярко они одеваются! У меня от них в глазах рябит! А от их начищенной обуви так воняет, что после этого у меня пропадает аппетит. И нью-йоркское метро хуже лондонского, и все там куда-то спешат, и носятся со своим американским футболом, который, по сути, лишь вариант английского регби, и портят истинно шотландский виски, разбавляя содовой, а не пресной водой, лучше бы пили свой жуткий «Бурбон», который одинаково плох во всех вариантах. И это вульгарное приветствие «хай!» на все случаи жизни, и нарочитое амикошонство с похлопыванием по плечу, и ноги в ботинках, брошенные на стол... Эти козлы и лапти до сих пор говорят не «вустерский соус», а «вусестерский» соус, не «Молборо», а «Мальборо», не «Пэлл-Мэлл», а «Полл-Молл»...

Чеширский кот захлебнулся от ярости, видимо, он не раз выходил на антиамериканские демонстрации к посольству на Гровнор (Гросвенор) – сквер.

– В конце концов, американец – это просто неудавшийся англичанин! – завершил он монолог.

Многие уверены, что англичане, в общем и целом, смотрят на иностранцев с презрением и считают Англию средоточием всех добродетелей. Передержка. Хотя встречаются такие англичане, от надутости и тупости которых волосы встают дыбом! Попутно заметим, что англичане на родине и за границей – это разные породы. Последние незаметно для себя впитывают многие черты стереотипа – сноба и аристократа, именно такими частенько играют англичан в кино. Тут вдоволь высокомерия, надменности, лицемерия, молчаливой сдержанности, подчеркнутой вежливости, не говоря уж о трости, трубке, костюме с Сэвил-роу и прочей английской параферналии.

Но при всем при том в английском национальном характере существует СНИСХОДИТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ИНОСТРАНЦАМ, достаточно емкое прилагательное, с диапазоном от презрения до равнодушия.

Забавную историю рассказывает венгерский эмигрант Джордж Микеш, написавший в 60–70-е годы десятка два веселых и мудрых книг о различных нациях. Автор снимал комнаты у англичанки, которая совершенно неожиданно предложила ему на ней жениться. Перепуганный венгр ответил: «Я не могу. Моя мать никогда не позволит жениться на иностранке!» Дама взглянула на него с недоумением и раздражением: «Это я иностранка?! Что за ерунда? Я англичанка, это вы – иностранец! И ваша мать тоже!» – «Но позвольте, неужели мы иностранцы даже в родном Будапеште?» – не унимался венгр. «Везде! – заявила дама твердо, – истина не зависит от географии. То, что верно в Англии, верно и в Венгрии, и в Северном Борнео, и в Венесуэле, и везде!»

Джордж Оруэлл в свое время высмеивал идею, что англичане считают иностранцев «забавными». Вот что на это с полной серьезностью ответил ему один видный джентльмен: «В отношении забавности иностранцев я должен шокировать мистера Оруэлла, заявив, что они действительно забавны. Отсутствие чувства юмора, особого дара нашей избранной нации, объясняет это: люди без чувства юмора всегда безотчетно забавны». По поводу юмора без комментариев – ведь это чисто английское качество, и если сказали, что вы обладаете чувством юмора, то прыгайте до небес от счастья!

В 1837 году одна леди подслушала характерный разговор между двумя молодыми англичанами в Кале, куда они попали после пересечения Ла-Манша. «Какой ужасный запах!» – сказал один, погрузив свой нос в надушенный платок. «Это запах континента, сэр!» – ответил более опытный спутник.

Взгляд с острова на соседей-галлов, доставивших массу неприятностей и своим догматическим католицизмом, и постоянными заговорами в поддержку Шотландии и Стюартов, и просто самим своим фактом существования, никогда не отличался пастельным благодушием.

Порнографические открытки называли не иначе как «французскими рисунками», проститутку именовали «французской консульской гвардией» (якобы в Буэнос-Айресе они гужевались около консульства Франции), а пользование их услугами – «уроками французского языка», сифилис – это «французская болезнь», презерватив – «французское письмо», а самое ужасное оскорбление – «французская собака».

Во время конфликтов с Испанией прилагательное меняли на «испанский». Французы не оставались в долгу: наказание розгами и, как следствие, страсть к порке во время секса – «английский порок», менструация – «английские гости».

Англичане любят посмеяться, что французские короли в Версале предпочитали не мыться, а только протираться, а придворные отправляли свои нужды в различных уголках дворца. Даже Наполеон – ха-ха! – писал ненаглядной Жозефине: «Не мойся! Я скоро приеду!» Правда, англичане забывают, что даже в XIX веке английские монархи очень удивлялись, если кто-то из придворных принимал ванну чаще чем один раз в неделю.²⁷

Естественно, немцам, именуемым во время войны не иначе как «гунны», досталось не меньше. По опросам, проводившимся в Англии во время войны, портрет англичан и немцев отвечал ситуации: англичане – свободолюбивые, искренние, добровольцы во всем, терпимые, дружелюбно настроенные, терпеливые, любящие природу и верящие в тысячелетний мир; немцы – сторонники тирании, расчетливые, действующие только по приказу, жестокие, мстительные, с механическим подходом к жизни, агрессивные, нервные, верящие в тысячелетний рейх. И ныне немцы – основные соперники в Европе, за ними нужен глаз да глаз, чтобы не распоясались, они хорошие работники и вояки, но напрочь лишены юмора (самая страшная характеристика!), до абсурда педантичны, занудны и туповаты.

Итальянцы – это говоруны, воевать они никогда не умели, народ ненадежный, от них мало проку, но и бед они не приносят. «Когда мы думаем в Англии об итальянцах, – пишет один остряк, – приходят в голову мороженое, футболисты, которые могут получить работу в Национальном театре, официанты в красных рубашках и обтягивающих брюках (как сказала королева, прекрасное место для хранения оливок), оперные певцы, груды спагетти и певицы, похожие на груды спагетти».

Чеширский кот уже наговорил много гадостей об американцах, но коты эмоциональны и неважно разбираются в международных отношениях. Если быть корректным, то к американцам англичане относятся чуть сдержанно, но с уважением, без их помощи ослабевший британский лев не в состоянии проводить внешнюю политику.

В 1963 году я познакомился со светилом лейбористской партии Диком Кроссманом, работавшим в качестве шефа службы психологической войны в штабе союзников в Алжире вместе с Гарольдом Макмилланом, будущим консервативным премьер-министром Великобритании. В военные годы тесное партнерство между США и Великобританией только складывалось, и, по словам Кроссмана, Макмиллан смотрел на американцев, как греки смотрели

²⁷ Беда с этой грязью! Каждая нация считает другую вонючей и немойтой, а уж нас, русских, за это презирали еще со времен первооткрывателя России, сэра Ченслора; правда, возмущаясь грязью в России, он забывал, что в Англии еще не было водопровода со всеми его достоинствами.

на римлян: большие, вульгарные, шумные люди, более идеалистичные и более энергичные, чем англичане, зато более праздные и коррумпированные. Отсюда выводы: англичане должны руководить штаб-квартирой союзников, подобно греческим рабам, действующим по указанию императора Клавдия.

Во время войны альянс с США был спасением для Англии, но друзья не сидели сложа руки и после войны ловко вытеснили англичан из колоний, используя козырные лозунги свободы и демократии, одинаково пригодные и для битвы с СССР, и для борьбы с колониализмом. Но с верховенством американцев многие не смирились, отношение к ним иногда становится критически-снихождительным, хотя и замаскированным. Наш агент Ким Филби, занимавший важный пост офицера связи между американским ЦРУ и английской разведкой, например, вспоминал, что английские коллеги забрасывали его вопросами: «Чему ты их учишь в ЦРУ? Как держать нож и вилку? Или как жениться на богатых невестах?»

А как относятся англичане к другим, менее продвинутым нациям?

Полковник Лоуренс был самозабвенно влюблен в Арабский Восток, превосходно говорил по-арабски, носил чалму и халат и почитался арабами как «свой». Но вот отрывок из личного письма полковника, напечатанный в «Санди таймс»: «Я проституировал себя на арабской службе. Предоставить себя в распоряжение краснокожей расы для англичанина то же самое, что продать себя животному». Сказано резко, на самом деле англичане достаточно терпимы и снисхождительны.

Распространено мнение, что англичане мало интересуются тем, что происходит в других странах. Возможно, это тоже проявление снисхождительности!²⁸

Это в России интерес ко всему иностранному преувеличенно и порой болезненно раздут (в советские времена это выглядело как страсть Адама к запретному яблоку), для рядового англичанина внешний мир чуть ли не так же далек, как Луна, он прекрасно варится в собственном соку и ничего не знает о существовании Большого театра, писателя Фазиля Искандера и тульских самоваров. И главное, он не мучится ни от этого, ни от незнания иностранных языков, ему наплевать, что Пакистан приобрел ядерное оружие (если это не угрожает Англии), а на Северном Кавказе (где это? в Африке?) идет война.

Тут сказывается неиссякаемая уверенность, что все самое важное происходит в Англии и англосаксы (а разве американцы не из этой породы?) в этом веке решающим образом влияют на судьбы мира, а все остальные не в счет. Отсюда и лень в изучении иностранных языков, да и зачем это нужно, если английский стал своего рода эсперанто.

²⁸ Между прочим, Форин Офис и спецслужбы неслучайно регулярно поругивают за дилетантизм и верхоглядство в иностранных делах. Может, и нашу перестройку они проглядели по этой причине...

Русс с англичанином братья навек!

– А что ты все помалкиваешь об отношении англичан к русским мужикам и бабам? – спросил Кот. – Небось боишься сказать правду и испортить англо-русские отношения?

Жаль, конечно, что англичане не помогли нам дотопить в Чудском озере тевтонских рыцарей и выжидали на плетне во имя своекорыстных интересов, когда нас терзали и покоряли татаро-монголы. Беда не в том, что они, как обычно, загребали жар чужими руками, а в том, что Англия даже в начале княжения Ивана III только подозревала о существовании Московии.

Окно в Россию пробили английские купцы, искавшие новые пути в Китай и Индию и новые рынки для расширения своей торговли. В мае 1553 года в сторону таинственного Московского государства направилась славная экспедиция под руководством неутомимого мореплавателя Хью Уиллоуби; проходила она с потерями, и в результате в августе корабль «Эдуард—Благое предприятие» под руководством старшего кормчего Ричарда Ченслора, потеряв два других судна, оказался в устье Северной Двины, и там бесстрашный Ченслор узнал от «русских варваров», встретивших его весьма доброжелательно, что находится на территории Московского царства. Местный правитель срочно направил гонца к царю, и тот пожелал принять капитана, причем обещал бесплатно организовать доставку англичан в Москву. 23 ноября Ченслор двинулся туда на санях, поражаясь лютым морозам; он выдал себя за посланца короля Эдуарда VI и был торжественно принят Иваном Грозным, который, как гласит Двинская летопись, «королевственного посла Рыцарта и гостей из английския земли пожаловал в свое государство российское, с торгом из-за моря на кораблех им велел ходить безопасно и двory им покупать и строить невозбранно».

Ченслор, не только купец, но и ученый, быстро оценил возможности нового рынка и, вернувшись в Англию, вместе с другими предпринимателями создал «Московскую компанию» (Moskovy company), которая и начала активный дранг нах остен. Вскоре Ченслор вновь прибыл в Москву и двинулся оттуда с богатым грузом и первым русским послом в Англии, Осипом Непея. Однако у шотландских берегов корабль потерпел крушение, Ченслор с сыном погибли, спасая жизнь посла, последний уцелел и был принят королем Филиппом, сменившим Эдуарда, «в большом своем городе в Луньском» – так называли русские Лондон.

С этих времен можно говорить об англо-русских официальных отношениях.

Ченслор написал о России много хорошего и плохого: «Русские отличные ловцы семги и трески; у них много масла, называемого нами ворванью... они ведут также крупную торговлю вываренной из воды солью. Сама Москва очень велика. Я считаю, что город в целом больше Лондона с его предместьями. Но она построена грубо и стоит без всякого порядка». А вот о жизни русского: «Сам он живет овсяной мукой, смешанной с холодной водой, и пьет воду... Бедняков здесь неисчислимое количество, и живут они самым жалким образом. Я видел, как они едят селедочный рассол и всякую вонючую рыбу. Да и нет такой вонючей и тухлой рыбы, которую бы они не ели и не похваливали, говоря, что она гораздо здоровее, чем всякая другая рыба и свежее мясо. По моему мнению, нет другого народа под солнцем, который вел бы такую суровую жизнь».

– Интересно, чем же питались в то время мои собратья? – пошевелил ушами Кот. – Я даже не представляю, что такое селедочный рассол и почему нужно есть вонючую рыбу вместо «Фрискаса»...

Откровенно говоря, я пил лишь огуречный рассол, но не селедочный, но, судя по Ченслору, наши предки воистину жили ужасно.

Но больше всего англичан поражали отсутствие «представительного управления» и тирания, этот образ русских прочно вошел в их национальное сознание. Лирический поэт

XVI века Филипп Сидни: «А ныне, волю утерев свою, как москочит, родившийся рабом...» Этот стереотип проник в труды Кристофера Марло и Уильяма Шекспира, у последнего наш народ упоминается свыше десятка раз («...Об этих больших медведях, встречающихся на Новой Земле, у которых нюх лучше, чем зрение» или «Все это длится как в России ночь, когда она всего длинней бывает...»). Впрочем, нынешний наш стереотип недалеко ушел от прошлого.

Удачный почин в развитии англо-российских связей омрачился уже в 1570 году, когда Иван Грозный, разгневанный отказом англичан поддержать его во время Ливонской войны, написал Елизавете, что в Англии правит не королева, а «торговые мужики». Иван нанес удар прямо по гордости Елизаветы: «И ты пребываешь в своем девическом чину как есть пошлая девица». «Похлая» тогда означало «обыкновенная», и дело тут не в моральных убеждениях Ивана, а в его планах жениться на Елизавете, которая впоследствии отказала ему и в своей руке, и даже в руке своей племянницы.

Сохранившиеся немногочисленные описания англичан нашими соотечественниками содержат в основном информацию об экономическом состоянии и политической структуре государства. Но нравы и обычаи тоже попадали в фокус внимания: например, посол Федор Писемский был поражен танцами и развлечениями при дворе Елизаветы и приводил объяснения англичан: «В том-де государыни нашей королевны Елизаветы не осудите, что при вас танцуют; у государыни у нашей у королевны в обычае так ведетца: по вся дни после стола живут потехи и танцеванье».

В XVII веке уже появились переводы с разных языков об Англии и самостоятельные русские компиляции такого рода; там, помимо описаний природы и общественного устройства, упоминались и филантропические учреждения, и «Кантабринское» (кембриджское), и «Оксониевское» (оксфордское) училища. В некоторых статьях доминировали панегирики: «Британия здравого пребывания, и люди в ней счастливого и здравого приложения, аки иной свет от иных земель отменился...» или «Английские люди доброобразны, веселоваты, телом белы, очи имеют светлы, во всем изрядны, подобно италянам. Житие их во нравах и обычаях чинно и стройно, ни в чем их похулити невозможно. Воинскому чину искусны, храбры и мужественны, против всякого недруга безо всякого размышления стоят крепко, не скрывая лица своего. Морскому плаванью паче иных государств зело искусны, пища их большая статья от мяс, ествы прохладные, пива добрые, и в иные страны оттуда пивы идут. Платья носят с французского обычая. Жены их красовиты, платье носят по своему обычаю». (Кстати, хулитель англичан Федор Достоевский был без ума от англичанок!)

Петр Великий, прорубивший окно в Европу, посетил Лондон в январе 1698 года. Там он прожил два месяца, трудился на верфях, побывал в Оксфордском университете и Гринвичской обсерватории, на Монетном Дворе, подписал контракт с лордом Кармартеном о продаже ему монополии на торговлю табаком в России, имел встречи с Исааком Ньютоном и королем Вильгельмом III,²⁹ а между делом ходил по театрам и даже соблазнил актрису Кросс. Петр пригласил служить в Россию многих англичан и учредил шутовской «Великобританский монастырь» («Бенго-коллегия»), прообраз Английского клуба, там он предавался пьянству и прочим утехам с приятелями-англичанами.

Но имперские амбиции Петра пугали англичан. «Заветным желанием их великого монарха Петра, – писал Оливер Голдсмит,³⁰ – было обзавестись крепостью где-нибудь в

²⁹ Король был голландских кровей, называл Англию «дьявольской страной, нечестивой и порочной» и женат был на лесбиянке Марии. Умер в 1702 году, упав с лошади, которая угодила ногой в кротовую яму.

³⁰ Очень поливал русских старина Голдсмит! А между тем пил как рыба, и однажды другой прошельга, Сэм Джонсон, одолжил ему гинеею для уплаты долга за квартиру. Когда он пришел к нему через час, то обнаружил Голдсмита за бутылкой мадеры, купленной на разменную гинеею... Тут приятели продали книгопродавцу рукопись «Векфильдского священника», выручили 60 фунтов и загуляли не на шутку.

Западной Европе. Эту цель преследовали многие его замыслы и соглашения, но, к счастью для Европы, все они потерпели неудачу. Такая крепость в руках русских равносильна воротам шлюза: когда того потребовали бы соображения честолюбия, выгоды или необходимости, они могли бы затопить весь западный мир наводнением варваров».

Настороженно относились к деятельности Петра и Джонатан Свифт, и особенно Даниель Дефо, неприглядно описавший «невежественных московитов» во второй части «Робинзона Крузо» – там главный герой проехал через Сибирь. Позднее Лоренс Стерн писал о недостатке остроумия и рассудительности на «Новой Земле» (наверное, он прав, но от этого не легче) и о том, что у нас «все заботы человека в течение почти девяти месяцев кряду ограничены узкими пределами его берлоги, где духовная жизнь придавлена и низведена почти к нулю и где человеческие страсти и все, что с ними связано, заморожены, как и сами те края».³¹

По указанию Петра делались попытки привлечь на сторону России герцога Джона Мальборо, за услуги царь обещал ему на выбор любое княжество, однако из этой затеи ничего не вышло («Не чаю, чтоб Мальбрука до чего склонить, понеже чрезмеру богат, однако ж обещать тысяч около 200 или больше»). Молодец Мальбрук, показал характер!

Петр приказывал вербовать и других англичан, причем его интересовали не столько информация, сколько активное влияние на английскую и международную политику. Он смотрел на англичан весьма практично: «Французу всегда можно давать больше жалованья; он весельчак и все, что получает, проживет здесь. Немцу также должно давать не менее, ибо он любит хорошо поесть и пожить и у него мало из заслуженного остается. Англичанину надобно давать еще более; он любит хорошо жить, хотя бы должен был и из собственного имени прибавлять к жалованию». (Голландцам и итальянцам, экономившим деньги в России для траты их на родине, Петр повелевал платить поменьше.)

Лондону не нравилась новая империя, но и Британская империя вызывала опасения у российских императоров. По свидетельству Вяземского, например, Екатерина Великая, принимая английского посла, на которого вдруг залаял ее пес, нравоучительно заметила: «Не бойтесь и садитесь! Собака, которая лает, не кусается. Это можно отнести и к Англии».

³¹ Что там Стерн! Князь Петр Вяземский писал: «За границею из двадцати человек, узнавших, что вы русский, пятнадцать спросят вас, правда ли, что в России замораживают себе носы? N. N. уверял одного, что в сильные морозы от колес под каретою по снегу происходит скрип и что ловкие кучера так повертывают каретою, чтобы наигрывать или наскрипывать мелодии из разных народных песен».

Лондон хорошо, а Мытищи лучше!

Первым истинным бытописателем Англии стал Николай Карамзин, посетивший острова летом 1790 года и создавший «Записки русского путешественника». Писателю многое понравилось, но он отнюдь не пришел в восторг от англичан. Боюсь, что этому способствовали различные бытовые неурядицы: приставание нищих, воришки, ухитрившиеся примоститься на задней части кареты, когда барин мчался обедать к приятелю в Ричмонд, проживание на постоялом дворе (гостиниц тогда не было) в одной комнате (!) с каким-то доходягой. Ну, какая может быть любовь к англичанам, если: «В ту же минуту явился Английский парикмахер, толстый флегматик, который изрезал мне щеки тупою бритвою, намазал голову салом и напудрил мукою... На мои жалобы: ты меня режешь, помада твоя пахнет салом, из пудры твоей хорошо только печь сухари, Англичанин отвечал с сердцем: I don't understand you, Sir; я вас не разумею!»³²

Вот тогда Николай Михайлович и вынес свое заключение:

«Вы слышали о грубости здешнего народа в рассуждении иностранцев: с некоторого времени она помягчилась, и учтивое имя frenchdog (Французская собака), которым Лондонская чернь жаловала всех не-Англичан, уже вышло из моды... Вообще Английский народ считает нас, чужеземцев, какими-то несовершенными, жалкими людьми».

В России первой половины XIX века об англичанах в основном судили по заезжим гостям, порой освежавшим светское общество, или по нанятым гувернерам и гувернанткам, слугам и докторам. Об Англии много читали, даже провинциальная пушкинская Татьяна Ларина была без ума от благородного Грандисона, главного героя романа Уильяма Ричардсона. Поэты Мильтон, Саути, Шелли и Байрон переводились и были хорошо известны, а поездка Байрона на помощь греческим повстанцам и его внезапная смерть постоянно мусировались в русских салонах.

– Ты забыл о Петре Чаадаеве, – заметил Кот. – Философ, конечно, он крупный, но в бытовых проблемах... Подумать только, он прибыл в Англию осенью 1823 года, но не наслаждаться лондонской стариной, а купаться в море в Брайтоне! Ты знаешь, что там в это время не больше 16 градусов? Он купался там ежедневно и пришел от купаний в восторг, а на англичан обратил лишь немного внимания: «Что более всего поражает на первый взгляд, это, во-первых, что нет провинции, а исключительно только Лондон и его предместья; затем, что видишь такую массу народа, движущегося по стране, половина Англии в экипажах».

– Русские философы всегда были бойцами, мой любезный Кот, хотя, думается, он все-таки использовал купальню, а не лез как дворовый пес прямо в море...

Александр Пушкин был знаком со многими англичанами, включая знаменитого художника Джона Доу, писавшего портреты героев войны 1812 года. До конца дней он дружил с Артуром Меджнисом, служившим в британском посольстве в Петербурге, и даже приглашал его в секунданты перед дуэлью с Дантесом.

Английские типажи окрашены у Пушкина в иронические и сатирические тона:

И путешественник залетный,
Блестящий лондонский нахал,
В гостях улыбку возбуждал
Своей осанкою заботной,

³² С Карамзиным очень мило перекликается князь Петр Вяземский, нашедший в 1838 году, что «у английских брадобреев рука очень тяжела, даже когда и намыливают они, то голову шатают». Какое счастье, что из экономии я стригся в посольской парикмахерской, у чьей-то милой женушки!

И молча обмененный взор
Ему был общий приговор.

Пушкин живо интересовался состоянием политической и культурной жизни в Англии, обожал Шекспира, «сходил с ума от чтения Байрона» и достаточно проникательно писал: «Что нужно Лондону, то рано для Москвы».

В декабре 1834 года он написал «Разговор с англичанином», где дал достаточно трезвую и далекую от жарких восторгов характеристику английского парламента, классовых отношений и положения пролетариата, а на этом фоне с чувством преподнес свободу и благоденствие русского крестьянина. «Прочтите жалобы английских фабричных рабочих: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! Какое холодное варварство, с одной стороны, с другой – какая страшная бедность!»

Вместе с Чаадаевым, Горчаковым и другими именитыми дворянами Пушкин состоял в Английском клубе, что ничуть не повлияло на его ироническое отношение и к англичанам, и к англофилам:

В палате Английского клона
(Народных заседаний проба),
Безмолвно в думу погружен,
О кашах пренья слушал он.³³

И от Михаила Лермонтова англичанам тоже досталось:

«Тут было все, что есть лучшего в Петербурге... один английский лорд, путешествующий из экономии и поэтому не считающий за нужное ни говорить, ни смотреть, зато его супруга, благородная леди, принадлежавшая к классу blue stockings („синих чулок“) и некогда гонительница Байрона, говорила за четверых и смотрела в четыре глаза, если считать стекла двойного лорнета, в которых было не менее выразительности, чем в ее собственных глазах...»

Князь Петр Вяземский двинулся во Францию и Англию в 1838 году, дабы подлечить глаза и насладиться морскими ваннами а-ля «морж» Чаадаев. («6 октября выкупался я в 26-й раз в Брайтонских водах...») – потрясающая педантичность и заостренность на собственных купальных переживаниях.) Патриот и консерватор, князь был достаточно брюзглив и рассыпал множество поверхностных, но небезыntenесных наблюдений: «В нравах, обычаях и предрассудках английского общества много bourgeois (пошлости)». «Англичане упрямы, самолюбивы и во многом односторонни и недалновидны». «В английской жизни от того нет ничего нечаянного, и от того общий результат должна быть скука» или загадочное: «... есть что-то стерляжье в английской продолговатости, желтизне и речной природе».

– Лучше бы не лез со своею княжеской мордой в английский характер! – заметил Кот. – Откуда в Англии стерлядь? Жил в Англии в свое удовольствие, а потом начал все клясть и поносить! Сидел бы в халате в своем деревенском имении и нюхал крепостных девок! (Как все англичане, Кот считал, что иностранцы не моются.)

Уникальна судьба русского дворянина Владимира Печерина, принявшего католичество и прожившего многие годы в Англии и Ирландии. В своих «Замогильных записках» он не скрывает своих восторгов от Англии: «Вот страна разума и свободы! Страна, где есть истина в науке и в жизни и правосудие в судах; где все действуют открыто и прямодушно и где

³³ Такие прения были: «московские англичане» заспорили, можно ли не платить за целый ужин, а заказывать всего одну лишь кашу и оплачивать только ее. Кто утверждает, что русские непрактичны?

человеку можно жить по-человечески!» Или: «Англичане терпеть не могут итальянского размахивания руками и поддельного французского энтузиазма».

Печерин был лишен гражданства как «невозвращенец», вряд ли обрел себя за границей, а в конце жизни глубоко сожалел о своем выезде из России.

Его англофильство тоже не лишено иронии:

«– Итак, вы любите Англию? – сказала она, улыбаясь.

– Как же не любить ее? – отвечал я с юношеским восторгом, – тут все прекрасно, и небо, и земля, и люди, особенно люди, – прибавил я, глядя на нее».

Пожалуй, самым глубоким исследователем англичан явился Александр Герцен, волею судьбы длительное время живший в Лондоне, сумевший и очароваться цивилизацией, и жестоко разочароваться в ней.

– Самый настоящий кот Васька! – вдруг презрительно фыркнул Чеширский кот. – Этого вора давным-давно следовало бы отправить обратно в Россию, привесив к хвосту колокол!

– Что ты мелешь?! – оторопел я от такой непочтительности к нашему гению, но тут же вспомнил, что с подачи царской охранки распространялась басня о желчном и кривом коте Ваське – Герцене, который «забрался в Альбион, придумал ломать родной край и для этого стал щипать лежанку, на которой спал, и онучи с тертым полушубком и весь этот сор сдавал в журнал».

Герцен, пережив и влюбленность, и охлаждение к Англии, превзошел, наверное, всех русских писателей своими тонкими наблюдениями: «Англичане в своих сношениях с иностранцами – такие же капризники, как и во всем другом; они бросаются на приезжего, как на комедианта или акробата, не дают ему покоя, но едва скрывают чувство своего превосходства и даже некоторого отвращения к нему. Если приезжий удерживает свой костюм, свою прическу, свою шляпу, оскорбленный англичанин шпыняет над ним, но мало-помалу привыкает в нем видеть самобытное лицо. Если же испуганный сначала иностранец начинает подлаживаться под его манеры, он не уважает его и снисходительно трактует его с высоты своей британской надменности».

Русский философ отмечал огромную работоспособность англичан: «Эта прочность сил и страстная привычка работы – тайна английского организма, воспитания, климата. Англичанин учится медленно, мало и поздно, с ранних лет пьет порт и шерри, объедается и приобретает каменное здоровье». Боюсь, что тут серьезная передержка, но талантливо.

Герцен пытался проводить сравнения между англичанами и другими нациями: «Два краеугольных камня всего английского быта: личная независимость и родовая традиция, для француза почти не существуют. Грубость английских нравов выводит француза из себя...» или «Француз, действительно, во всем противоположен англичанину; англичанин существо берложное, любящее жить особняком, упрямое и непокорное, француз – стадное, дерзкое, но легко пасущееся».

Или еще одна великолепная идея: «Француз, во-первых, не может простить англичанам, что они не говорят по-французски, во-вторых, что они не понимают, когда он Чаринг-Кросс называет Шаранкро или Лестер-сквер – Лесестер-скуар. Далее, его желудок не может переварить, что в Англии обед состоит из двух огромных кусков мяса и рыбы, а не из пяти маленьких порций всяких рагу, фритюр, сальми и пр.».

В истории России второй половины XIX века считался большим англофилом Михаил Катков, главный редактор «Русского вестника», а затем «Московских ведомостей». Он был отнюдь не чистый западник (в то время западники обычно признавали особый путь России и не навязывали слепо европейскую или американскую модель), а убежденный патриот, государственник, консерватор по духу и противник реформ. В конце 1861 года, когда были даны послабления цензуре, он писал: «Возможно и должно поставить граждан в такое положение, чтобы они не скрывали того, что думают, и не говорили того, чего не думают. В

Англии более, нежели где-либо, эти требования находят себе удовлетворение, и вот почему мы расположены всегда сказать доброе слово об Англии. Рассматривая западные европейские государства, мы опять находим, что в Англии более, нежели в котором-либо из них, личность и собственность обеспечены. А закон, без всякого сомнения, стоит тверже и применяется беспристрастнее, нежели где бы то ни было». Катков везде ставил Англию в пример, она импонировала ему своим консервативным укладом, и он мечтал о появлении в России нового класса землевладельцев наподобие английского. Ему даже приходилось защищаться от обвинений в англomanии и оправдываться в попытках «заменить помещиков лордами». Небезынтересно, что М. Катков пропагандировал свои англофильские взгляды спустя несколько лет после Крымской войны 1853–1856 годов, когда англичане отнюдь не пользовались в России популярностью.

– Здорово мы вам поддали в Севастополе! – молвил Кот. – И хотя я не сторонник драк, но Крымская война очень обогатила наш язык: сколько наших улиц получили названия «Альма», «Балаклава» и «Инкерман» в честь выигранных в Крыму сражений! Появился «кардиган» в честь командующего корпусом, лорда Кардигана, именно он повелел утеплить им своих солдат, замерзавших в Крыму (!), и шерстяная шапка «балаклава», полностью закрывавшая весь череп и горло, кроме лица...

В «восточном вопросе» Англия опасалась русского контроля над Дарданеллами, свободного выхода в Средиземное море и, соответственно, укрепления на Балканах (угроза Мальте и морским коммуникациям через Суэц и Гибралтар). Не меньше опасений вызывала у англичан русская экспансия на Кавказе и в Средней Азии. Тогда и был взят на вооружение лозунг национального самоопределения, повернутый потом против самой Британской империи, – полная аналогия с большевиками, тоже разделившими империю по национальному признаку.

Лорд Биконсфилд³⁴ видел в «огромной, великой и могучей России, сползающей, подобно леднику, в направлении к Персии, Афганистану и Индии, самую грозную опасность для Великой Британской империи».

Отношения двух империй после Крымской войны оставались корректными, но без взаимных симпатий. К примеру, убийство царя Александра II и разгул терроризма в России вызвали ажиотаж в Англии, весь цвет английского высшего общества превратился в рупор борьбы с российским деспотизмом. Солидный Конан Дойл изобразил в романе «Торговый дом Герлстон» благородного «нигилиста из Одессы», а в шерлокхолмском рассказе «Пенсне в золотой оправе» – столь же благородных революционеров Анну и Алексея и предателя Сергея, а отец шпионского романа, англоязычный поляк и русофоб Джозеф Конрад, нарисовал отвратительные портреты русских анархистов в «Конфиденциальном агенте». Даже далекий от большой политики Оскар Уайльд не поленился написать пьесу о Вере Засулич «Вера, или Нигилисты».

Во время англо-бурских войн в конце XIX века симпатии России были на стороне буров, несправедливо подвергшихся агрессии, на помощь бурам бросились русские добровольцы и сестры милосердия.

Буры даже стали героями детских песенок:

Мама, купите мне пушку и барабан.
И я поеду к бурам,
И я поеду к бурам

³⁴ Это будущий титул премьер-министра и писателя Бенджамин Дизраэли. Много умных мыслей сорвалось с его уст: «Консервативное правительство – это организованное лицемерие», «Англия не любит коалиций», «Окончательность – это не язык политики», «Не читайте историю, только биографии, ибо в них жизнь без теории».

Бить англичан!

Одновременно на основе разделения сфер влияния в Афганистане и Тибете продолжал складываться англо-русский союз, направленный против Германии, англичане помогли России с займами на восстановление экономики после поражения от японцев и революционных потрясений 1905 года.

Если обобщить особенности дореволюционного отношения к Англии думающей части русского общества, то эта страна никогда не являлась ни предметом для обожания, ни предметом для ненависти. Дело даже не в Англии, а в общем настрое русской политической и философской мысли.

Славянофилы и евразийцы проводили русские или славянские идеи, где для Запада оставалось немного места. Константин Леонтьев вместе с Джоном Стюартом Милем восставал против губительного «обуржуазивания» и единомыслия общества, ему был ненавистен «усредненный человек» – продукт западной цивилизации. Конечно, иногда славянофилы и прочие антизападники брали под обстрел Англию как часть Запада, однако в ярых англофобов никто не вырос, к Англии относились уважительно, но держали дистанцию, что не мешало, например, отцу славянофильства Алексею Хомякову играть в карты до утра в Английском клубе и одеваться на английский манер.

Западники, вроде Белинского, Грановского и, в известной степени, молодого Герцена, ратовали за свободу и демократию, но никто не призывал копировать английскую систему, наоборот, выпячивались особенности русского народа и его малая приспособленность для европейского уклада жизни (даже англофильство Каткова со временем растворилось в патриотической риторике). Что касается марксистов, то они мыслили категориями социализма, видели в Англии наиболее созревшее для революции государство и были немало удивлены, когда «слабым звеном» оказалась Россия.

Ни славянофилы, ни западники всех мастей не пожалели яда на обличение буржуазности и пошлого мещанства Запада, в том числе и Англии. В «Судьбе России» (1918) Николай Бердяев, возмущаясь мещанской Европой, попутно затронул и империализм Англии: «Культурная роль англичан в Индии, древней стране великих религиозных откровений мудрости, которая и ныне может помочь народам Европы углубить их религиозное сознание, слишком известна, чтобы возможно было поддерживать ложь культурной идеологии империализма... Нельзя отрицать империалистического дара и империалистического признания английского народа. Можно сказать, что Англия имеет географически-империалистическую миссию».

Наши дворяне, наши интеллектуалы, поругивающие цивилизацию, весьма ценили ее утилитарные достижения и охотно включали их в свой русский, а потом советский быт. Антианглийские филиппики не мешали им ценить английское сукно, строить английские каминные печи, курить английские трубки, набитые английским табаком, нанимать английских гувернеров и гувернанток, разбивать парки по-английски и разнообразить свою жизнь такими английскими изобретениями, как скачки или покер. Как пишет Владимир Набоков, «в обиходе таких семей, как наша, была давняя склонность ко всему английскому: это слово, кстати сказать, произносилось у нас с классическим ударением (на первом слоге), а бабушка, М. Ф. Набокова, говорила уже совсем по старинке: аглицки. Дегтярное лондонское мыло, черное как смоль в сухом виде... за завтраком яркий паточный сироп... зубы мы чистили лондонской пастой. Бесконечная череда удобных, добротных изделий, да всякие ладные вещи для разных игр, да снедь текли к нам из Английского магазина на Невском».

– Вот она, цена русскому интеллигенту! – проворчал Кот. – Говорит о высоких идеях, о духовных ценностях, а на самом деле ценит лишь импортный гуталин или какую-нибудь жалкую побрякушку!³⁵

Кто только не лупит несчастную интеллигенцию, кто только не хлещет ее по щекам! Набоков любил англичан и сумел долго их наблюдать изнутри, когда учился в Кембридже. «Между ними и нами, русскими, – некая стена стеклянная; у них свой мир, круглый и твердый, похожий на тщательно расцвеченный глобус. В их душе нет того вдохновенного вихря, биения, сияния, плясового неистовства, той злобы и нежности, которые заводят нас бог знает в какие небеса и бездны; у нас бывают минуты, когда облака на плечо, море по колено, – гуляй, душа! Для англичанина это непонятно, ново, пожалуй, заманчиво. Если, напившись, он и буянит, то буянство его шаблонно и благодушно, и, глядя на него, только улыбаются блюстители порядка, зная, что известной черты он не переступит. А с другой стороны, никогда самый разымчивый хмель не заставит его расчувствоваться, оголить грудь, хлопнуть шапку оземь... Во всякое время – откровенности коробят его».

Крупнейший русский писатель Евгений Замятин проработал в Англии в качестве инженера-кораблестроителя во время Первой мировой войны и полюбил Англию. Во всяком случае, он очень гордился прозвищем «англичанин», которое прилепилось к нему по возвращении на родину, и, естественно, предпочитал английские костюмы и галстуки, не говоря о виски. Но, как и большинство русских интеллектуалов, проникся ненавистью к техническому прогрессу, власти денег и проклятому английскому мещанству в лице викария Дьюи из сатирического романа «Островитяне», написанного им об Англии. У викария – «расписание часов приема пищи; расписание дней покаяния (два раза в неделю); расписание пользования свежим воздухом; расписание занятия благотворительностью; и наконец, в числе прочих – одно расписание, из скромности не озаглавленное и специально касавшееся миссис Дьюи, где были выписаны субботы каждой недели».

³⁵ Даже патриот из патриотов Ф. И. Тютчев писал жене: «Я не без грусти расстался с этим гнилым Западом, таким чистым и полным удобств, чтобы вернуться в эту многообещающую в будущем грязь милой родины».

О дивный новый мир!

Грянула Октябрьская революция, появилась цензура похуже царской, и английский портрет заиграл красками коммунистической идеологии и политических соображений. Это был примитивный, огрубленный портрет Англии, пытавшейся а-ля Черчилль «задушить в колыбели» молодую Советскую республику. Помощь англичан антисоветским силам, участие в заговорах против большевиков, высадка войск в Архангельске, расстрел Бакинских комиссаров и, наконец, поспешный и позорный отход Англии от борьбы и прекращение помощи белогвардейцам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.